18+

ФРЭНСИС БИДИНГ

СЕМЕРО СПЯЩИХ

Фрэнсис Бидинг

Семеро спящих

«Издательские решения»

Бидинг Ф.

Семеро спящих / Ф. Бидинг — «Издательские решения»,

Ошибка служащего из багажного отделения приводит англичанина Томаса Престона в Женеву — туда, где он надеется вновь увидеть любимую женщину. Но случайная находка втягивает его в смертельно опасную игру. За загадочным шифром скрывается заговор, способный ввергнуть Европу в новую войну. Престона преследуют безжалостные агенты, и теперь на кону не только его жизнь, но и судьбы миллионов. Кто такие Семеро спящих — и успеет ли он сорвать их замысел?

© Бидинг Ф.
© Издательские решения

Содержание

Шпионская библиотека 6
Серия о Рене и де Бланшгарде 6
Серия об Алистере Грэнби 7
Семеро спящих 8
1. Я теряю багаж 8
2. Я опоздал на два дня 14
3. Я получаю приглашение от бабушки 19
4. Я встречаю себя в зеркале 29
5. Я вешаю самого себя 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Семеро спящих

Фрэнсис Бидинг

Переводчик А. Владимирович
Дизайнер обложки А. Владимирович

© Фрэнсис Бидинг, 2026
© А. Владимирович, перевод, 2026
© А. Владимирович, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6672-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шпионская библиотека

Серия о Рене и де Бланшгарде

Семеро спящих (The Seven Sleepers)
Тайное царство (The Hidden Kingdom)

Серия об Алистере Грэнби

Шестеро гордых путников (The Six Proud Walkers)
Пятеро Фламбоев (The Five Flamboys)
Весьма зловеще (Pretty Sinister)
Четверо оружейников (The Four Armourers)
Лига недовольных (The League of Discontent)
Кривым путем (Take It Crooked)
Два гробовщика (The Two Undertakers)
Единственный здравомыслящий (The One Sane Man)
Восемь кривых траншей (The Eight Crooked Trenches)
Девять восковых лиц (The Nine Waxed Faces)
Разверзшийся ад (Hell Let Loose)
Черные стрелы (The Black Arrows)
Десять сущих чудовищ (The Ten Holy Horrors)
Неплохое представление (Not a Bad Show)
Одиннадцать храбрецов (Eleven Were Brave)
Двенадцать обличий (The Twelve Disguises)
Их тринадцать (There Are Thirteen)

Семеро спящих

1. Я теряю багаж

Всё началось с пропажи моего багажа.

Я возвращался домой, в Англию, после путешествия по городам Тосканы. Мой путь лежал через Ривьеру, и большой дорожный чемодан я отправил багажом до Генуи. Однако по прибытии в этот город, после долгих и весьма затруднительных расспросов, во время которых меня заверяли, что Италия благодаря синьору Муссолини стала великой и славной страной, которой вскоре предстоит безраздельно господствовать на Средиземном море и превратиться в самое образцовое государство Европы, я обнаружил, что мои вещи отправились в Женеву. В утешение мне объяснили, что разница между «Женева» и «Джиневра»[1] настолько ничтожна, что ею можно пренебречь.

К счастью, в утешениях я особенно не нуждался. Напротив, обнаружив пропажу, я пришёл в восторг. Это было знамение. Казалось, все дороги вели меня к Беатрис.

С Беатрис Харвел я познакомился в Лондоне во время войны. Теперь она работала в Лиге Наций. Уже два года Беатрис жила в Женеве, и всё это время мы не виделись. Когда мы расставались, я был бедным, только что демобилизованным офицером, ещё не успевшим освоиться с мирной коммерческой жизнью. Тогда я твёрдо решил, что в моём положении предлагать девушке свою фамилию и полное отсутствие состояния было бы по меньшей мере неразумно. Но за последнее время мои дела и перспективы изменились самым замечательным образом. Недели три назад дядя Джеймс вызвал меня к себе в контору и объявил, что намерен в самое ближайшее время сделать меня компаньоном в своём предприятии. Кроме того, он достаточно ясно дал понять, что я могу считать себя его наследником.

Воодушевлённый этими заверениями, я отправился в небольшой отпуск. И всё более укреплялся в намерении рано или поздно побывать в Женеве и выяснить, как обстоят мои дела с девушкой, которая не выходила у меня из головы с тех самых пор, как два года назад я проводил её на вокзале Виктория с нарочито весёлым видом и помахал ей на прощание рукой. Обнаружив, что багаж меня опередил и словно приглашал поспешить навстречу решающей минуте, было чрезвычайно радостно. Я тут же решил последовать за ним, и не прошло получаса, как я уже сидел в экспрессе на Лозанну, который мчал меня к швейцарской границе.

Но во избежание недоразумений должен заметить, что пропажа багажа послужила лишь предлогом, а вовсе не причиной моего внезапного появления в Женеве. Не будь Беатрис, я вполне мог бы предоставить чемодан той запутанной участи, какая ожидала его согласно соответствующим правилам и предписаниям. Более того, я и по сей день утверждаю, что в конечном счёте именно Беатрис заставила Семерых спящих[2] пробудиться раньше срока. Но тут я забегаю вперёд.

---

[1] «Женева» и «Джиневра». В английском оригинале приведены названия Geneva и Ginevra. Оба обозначают Женеву: первое по-английски, второе по-итальянски. По смыслу эпизода предполагается противопоставление итальянских названий Genova (Генуя) и Ginevra (Женева), сходство которых и могло вызвать ошибку при отправке багажа. По-видимому, в оригинале допущена неточность. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Семеро спящих. Отсылка к христианскому преданию о семи эфесских отроках. Согласно легенде, во время гонений на христиан при императоре Деции семеро юношей укрылись в пещере, где погрузились в чудесный сон и пробудились лишь спустя несколько столетий. Предание получило широкое распространение в христианской литературе, а родственный сюжет присутствует в Коране (сура 18).

Когда мой рассказ наберёт ход, у меня едва ли найдётся время сообщить вам что-нибудь о себе. Поэтому лучше воспользоваться имеющей возможностью, пока я ещё остаюсь всего-навсего обыкновенным пассажиром, и объяснить хотя бы, кто я такой и чем обычно занимаюсь.

Я родился в 1894 году в деревне Стейнхерст, в Суссексе, где и поныне живёт моя мать. При крещении меня нарекли Томасом — Томасом Генри Престоном. Учился я в Стауэрбридже, где получил награды по истории, гимнастике и бегу. Кроме того, я играл в школьной сборной по регби и был капитаном команды боксёров. Мне предстояло поступить в Оксфорд, но прежде родители отправили меня на два года в Боннский университет, где я научился говорить по-немецки почти так же хорошо, как сами немцы. Полагаю, способность к языкам досталась мне от матери, которая владеет шестью или семью. Я уже собирался отправиться в Оксфорд, когда разразилась война и все мои планы пошли прахом. Вместо университета я поступил в армию, прослужил всю войну в Королевской полевой артиллерии и вышел в отставку капитаном, получив два ранения и Военный крест[3].

Что касается моей внешности, проще всего процитировать паспорт:

Рост: 180 см.
Цвет глаз: голубой.
Цвет волос: светлый.
Особые приметы: отсутствуют.

Следует добавить, что некоторые недобрые приятели обвиняют меня в известном сходстве с сынами германского отечества. Вероятно, тому виной мои светлые волосы и довольно яркий голубой цвет глаз. Однако при упоминании этого сходства я склонен приходить в ярость, поэтому обычно предпочитают не развивать эту тему.

Большинство мужчин в нашем семействе отличаются физической силой и ловкостью куда больше, нежели деловыми способностями. Поэтому для всех нас стало настоящим подарком судьбы то счастливое утро, когда сестра моего отца, Агата Престон, вышла замуж за дядю Джеймса. В деловых кругах дядя Джеймс широко известен как Джеббатт из фирмы «Джеббатт и Джеббатт», производящей металлические изделия в Бирмингеме.

Последние два года я посвятил изучению семейного дела и теперь, если вам интересно, могу предложить на выбор целый ассортимент кастрюль или продать тысячу железных кроватей, даже не заглянув в прейскурант. Должен признаться, что мне трудно испытывать восторг от подобных занятий. Но в наше время, когда цвет нации, пожертвовавший четырьмя годами молодости ради спасения мира, проводит большую часть своего обильного досуга, протирая жёсткие скамьи в приёмных бирж труда, мне остаётся лишь благодарить звёзду удачи, сделавшую меня наследником крупного торговца жестяным товаром.

На поезд в Генуе я едва успел вскочить и потому не имел времени купить что-нибудь для чтения. В купе находился ещё один пассажир. Это был швейцарец, целиком поглощённый чтением утренних газет. Я ещё не успел их просмотреть и заинтересовался, что же так привлекло его внимание. Нельзя сказать, чтобы он был взволнован — представители его нации вообще редко волнуются, — но он проявлял к новостям из-за рубежа такую степень умеренного интереса, какую мне почти не доводилось наблюдать у его соотечественников.

— *Vous permettez, Monsieur*? — спросил я по-французски, протягивая руку к «Журналь де Пари».

Он кивнул и снова углубился в чтение.

Новости как нельзя лучше соответствовали моему радужному настроению и бодрящему сиянию декабрьского солнца. Судя по всему, наконец появилась вполне реальная надежда на европейское урегулирование. Длительный спор между Францией и Германией, казалось, при-

[3] Военный крест (*Military Cross*). Британская военная награда, учреждённая королём Георгом V 28 декабря 1914 года. Во время Первой мировой войны вручалась офицерам младших званий за храбрость и отличия в боевых действиях.

ближался к завершению. Германия капитулировала. Она соглашалась выплатить любые репарации, какие от неё потребуют, до последнего гроша. В Париже должна была состояться какая-то конференция, и германское правительство заранее обязалось принять все её решения. В доказательство своих добрых намерений Германия выражала готовность немедленно подать заявление о вступлении в Лигу Наций, распорядиться о безотлагательном возобновлении работ в Рурской области[4] и отправить во Францию огромные запасы древесины и угля, скопившиеся непосредственно за пределами оккупированной территории. Эти известия окончательно сделали утро прекрасным.

— Великолепные новости, — заметил я своему швейцарскому попутчику.

К моему удивлению, он отнёсся к ним с откровенным недоверием.

— Германия, — сообщил он после необходимых вступительных замечаний, — по-прежнему остаётся самой важной страной Европы. И никогда не станет на колени перед своими недавними врагами. Германия — великая нация.

Я не стал ему возражать, и он окончательно и исчерпывающе изложил своё представление о национальном величии.

— Германское правительство, — заявил он, — только что закупило триста тысяч алюминиевых кастрюль.

— Триста тысяч кастрюль! — воскликнул я.

— Алюминиевых кастрюль, — подчеркнул мой новый знакомый. — Ни одному правительству не может понадобиться триста тысяч кастрюль, зато очень может понадобиться большое количество алюминия. Это напоминает старые добрые времена.

— Старые добрые времена? — переспросил я, приглашая его объясниться.

— Во время войны, — пояснил он, — мы продали германскому правительству тысячи тонн алюминия. Я Альбер Голе, Голе-младший, — он церемонно поклонился, — из фирмы «Уфхольц и Голе», Нойхаузен.

Эту фирму я прекрасно знал понаслышке. Разве не были её владельцы моими соперниками в мирное время, когда я превратился в торговца жестяным товаром, точно так же, как во время войны, когда я был солдатом, они являлись моими врагами? Не будь «Уфхольца и Голе», у милых немецких цеппелинов оказалось бы куда меньше алюминия.

Я с интересом посмотрел на Голе-младшего. Передо мной сидел нейтральный коммерсант во плоти. Для него война была просто «старыми добрыми временами». И, по-видимому, насколько это касалось лично его, те времена возвращались.

— Триста тысяч кастрюль, — повторил я.

— Дело было всего два месяца назад, — продолжал Голе-младший. — Мы отправляем их через Базель в Ганновер так быстро, как только успеваем изготовить. Две трети покупной цены выплачены вперёд, и никакого торга.

— И вы подозреваете, что за этим стоит германское правительство?

— Частные фирмы не заключают сделок в таких масштабах и на таких условиях. Тут чувствуется рука правительства. К тому же я узнал агента. Во время войны он уже покупал у нас алюминий. Забавный субъект: высокий, худой, лысый как яйцо. Ужасно заикается. Мы встретились по предварительной договорённости в Базеле, чтобы обсудить условия сделки. Едва мы обо всём условились, он тотчас отправился в банк и расплатился со мной банкнотами.

— Хотелось бы познакомиться с этим человеком, — сказал я. — Я ведь и сам, можно сказать, торгую кастрюлями.

— Алюминиевыми?

---

[4] **Рурская область.** Важнейший промышленный район Германии, центр угледобычи и металлургии. В январе 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рур, стремясь обеспечить исполнение Германией репарационных обязательств по итогам Первой мировой войны. Германское правительство ответило политикой пассивного сопротивления, включая прекращение работ на предприятиях. Этот конфликт составлял один из главных международных кризисов 1923 года.

— Нет, сэр. Боюсь, я не могу раскрыть точный состав материала. Коммерческая тайна.

В этот момент нашу беседу прервал служитель, который прошёл по коридору, объявляя, что в вагоне-ресторане начинается обед. Мы покинули купе и обнаружили, что ресторан заполнен лишь наполовину. Мой швейцарский спутник оглядел столики и заметил в дальнем конце зала знакомого. Тот приветливо подал нам знак, и мы направились к нему.

Меня представили как собрата-коммивояжёра, и вскоре я уже слушал нескончаемые рассуждения о состоянии европейской торговли.

Наш новый знакомый оказался шведом. Оба коммерсанта увлечённо говорили о спросе и предложении, валютных курсах и перевозках. Неизбежно разговор снова свернул к «старым добрым временам», тем более что швед служил разъездным представителем фирмы *Svenska Kullagerfabriken*[5].

Во время войны я немало слышал об этой компании от одного приятеля, служившего в британском Министерстве блокады[6]. В те годы она была крупнейшим в мире производителем шарикоподшипников, а отчаянная потребность нашего правительства в этом незаменимом изделии фактически определяла всю британскую политику в отношении Швеции.

И тут я внезапно насторожился.

Совпадение, безусловно, было поразительным, хотя, пожалуй, и не столь невероятным, как казалось на первый взгляд. Европа невелика, а путей, ведущих в Швейцарию, не так уж много. Ничего особенно удивительного не было в том, что наш швейцарский приятель, возвращавшийся в Нойхаузен, встретил шведского приятеля, направлявшегося в Базель. Не было, в сущности, ничего невероятного и в том, что оба заключили чрезвычайно выгодные сделки с одним и тем же господином, который вёл свои дела в Швейцарии.

Как бы то ни было, факт оставался фактом. Швед тоже праздновал частичное возвращение «старых добрых времён».

В Базеле он встретился с высоким худым господином, с которым намеревался увидеться вновь в Женеве. Господин этот сильно заикался и был лысым как яйцо. Он сделал шведу такой заказ на шарикоподшипники, что сразу вспомнились самые прибыльные дни эпохи крови и железа. Более того, он предложил уплатить две трети стоимости заказа вперёд и назначил солидную надбавку за срочность.

— А как зовут этого высокого худого господина? — спросил я по-немецки, поскольку этот язык был общим для всех троих.

— Герр Шрекерманн, — ответил швед.

— Во время войны он был правительственным агентом, — заметил Голе. — Полагаю, что и теперь закупает товары по поручению берлинских властей.

— Не уверен, — возразил швед. — Германское правительство обанкротилось. У него уж точно нет сотен тысяч швейцарских франков, которыми можно было бы сорить за границей. Мне кажется, Шрекерманн действует в интересах какой-то крупной финансовой группы. Даже самому Стиннесу[7] было бы нелегко раздобыть такие деньги за столь короткий срок.

---

[5] Svenska Kullagerfabriken. Шведская подшипниковая компания, известная также под сокращением SKF. Основана в 1907 году на основе изобретения инженера Свена Вингквиста, разработавшего самоустанавливающийся шарикоподшипник. К началу 1920-х годов SKF стала крупным международным промышленным предприятием. Шарикоподшипники представляли особую ценность для машиностроения и военной промышленности, что объясняет внимание героя к необычайно крупному заказу.

[6] Министерство блокады (*Ministry of Blockade*). Британское государственное ведомство, учреждённое в 1916 году для координации экономической блокады Германии и её союзников. Министерство занималось вопросами военной торговли, контрабанды и ограничений на поставки стратегически важных материалов. Особое значение имели отношения с нейтральными государствами, через которые товары могли поступать в Германию.

[7] Гуго Стиннес (1870—1924) — один из крупнейших германских промышленников и финансистов эпохи Веймарской республики. Его экономическая империя объединяла предприятия угольной, металлургической, энергетической, транспортной и других отраслей. Благодаря огромному состоянию и влиянию на германскую экономику имя Стиннеса стало символом финансового могущества.

— Во всяком случае, — заключил Голе, — деньги имеются.

Для этого нейтрального коммерсанта данный факт окончательно снимал любые международные вопросы, какие могли скрываться за столь поистине королевскими сделками.

Мои нейтральные друзья начали мне надоедать. И кратко пожелав им доброго дня, я покинул вагон-ресторан, предоставив заниматься своими шарикоподшипниками и алюминиевыми кастрюлями.

Несколько часов спустя утомительное путешествие приближалось к концу. На швейцарской границе я расстался со своими попутчиками, и теперь поезд в темноте спускался по долине Роны. Скоро мы должны были прибыть в Лозанну, где мне предстояла пересадка в Женеву.

Помню, что мысли мои, вероятно под влиянием разговора за обедом, рассеянно обратились к европейскому положению. Я самый обыкновенный человек и не обладаю особыми познаниями в том, что принято называть международной политикой. В своём клубе я довольно регулярно читаю газеты и время от времени провожу полчаса за стаканчиком хереса в обществе старого Томпсона, чьё любимое развлечение — пересказывать какую-нибудь новую сенсационную сплетню об очередном кризисе в Париже, Берлине или Москве.

Признаюсь, полная и безоговорочная капитуляция Германии меня изумила, однако никаких сомнений в достоверности известий, казалось, быть не могло. Я ещё раз просмотрел газеты, разбросанные в купе. Все информационные агентства сходились в одном: Германия капитулировала и громогласно объявляла об этом всему миру.

К тому времени мы прибыли в Лозанну, где мне предстояло ждать своего поезда целый час. Я купил швейцарскую газету. Содержавшиеся в ней сведения подтверждали и дополняли прежние сообщения.

Газета приводила текст воззвания германского правительства, призывавшего всех немецких граждан немедленно возобновить работу в Рурской области. Война была навязана германскому народу дурным правителем, однако это не освобождало народ от ответственности. Германия должна полностью выплатить справедливые репарации. Только таким путём она может надеяться на восстановление благосостояния страны. Пусть каждый приложит все силы к общему делу, и совместными усилиями немцы рассчитаются со своими бывшими врагами, обеспечив тем самым мирные отношения на будущее.

Я рассчитывал, что от Лозанны до Женевы поеду в купе один, однако, когда поезд уже тронулся, на подножку вскочил ещё один пассажир. Споткнувшись о верхнюю ступеньку, он растянулся во весь рост в коридоре, где я как раз стоял, и уронил мне под ноги небольшой портфель для бумаг. Портфель раскрылся, и всё его содержимое рассыпалось по полу.

Беспрестанно извиняясь, незнакомец поднялся. Теперь я мог его разглядеть. Это был невысокий смуглый мужчина лет тридцати — тридцати пяти, типичный уроженец юга Франции, с карими глазами, какие мне когда-либо доводилось видеть, с живым, пылким выражением лица. В нём безошибочно угадывался соотечественник Тартарена и д'Артаньяна.

Я помог ему собрать вещи, которые он кое-как уложил обратно в портфель. Он принялся горячо благодарить меня и объяснил, что перепутал время отправления поезда.

Поскольку после падения колени его брюк оказались изрядно в пыли, я предложил ему воспользоваться платяной щёткой из моего дорожного чемодана. Он с благодарностью принял предложение и удалился приводить себя в порядок, захватив с собой портфель.

Когда он ушёл, я сообразил, что дверь вагона, вероятно, всё ещё открыта, и вышел её закрыть.

Вернувшись в купе, я наступил на какой-то твёрдый предмет, напоминавший монету. Наклонившись, я поднял его и увидел, что это небольшой круглый медный жетон с отверстием, через которое можно было продеть цепочку или кольцо для ключей. На одной его стороне были выбиты буквы «R.F.», а на другой — номер «17».

Я всё ещё разглядывал находку, когда вернулся мой новый знакомый. Он отдал щётку, снова рассыпаясь в благодарностях, и тут заметил, что я держу в руке.

— Простите, месье, — сказал он, — но, кажется, вы нашли вещь, которая принадлежит мне.

Я подтвердил его догадку и протянул жетон. Он быстро взглянул на него и убрал в карман жилета.

Оставшийся до Женевы час мы провели в разговорах.

Незнакомец оказался необыкновенно приятным и интересным собеседником. Он был французским офицером, прошёл всю войну и получил ранение под Верденом. Когда выяснилось, что и мне довелось повоевать на Западном фронте, у нас сразу нашлось множество общих тем.

Обменявшись различными военными воспоминаниями, я вспомнил газетные известия и поздравил его с торжеством французской политики.

На мгновение в его глазах вспыхнул живой интерес. От человека такого склада и происхождения можно было ожидать немедленного потока ярких замечаний и восклицаний. Но, к моему удивлению, он вовсе не спешил с ответом. Было совершенно ясно, что он уже собирался заговорить, однако внезапно одёрнул себя, словно кто-то коснулся его плеча и предостерёг от неосторожности.

— Ведь это полный успех, — продолжал я. — Германия стоит на коленях.

Он несколько странно посмотрел на меня.

— Вы так полагаете? — произнёс он по-французски.

В этих немногочисленных словах и в тоне, с каким они были произнесены, скрывался целый мир галльского скептицизма.

Мне очень хотелось откровенно и подробно обсудить с ним положение дел, но поезд уже замедлял ход.

Когда я поднялся, чтобы собрать свои вещи, француз быстро повернулся ко мне и сказал:

— Я должен особо поблагодарить вас за то, что вы нашли мой опознавательный жетон. Это старый военный сувенир, и мне было бы очень жаль его потерять.

Я ответил ему какой-то любезностью и выразил надежду, что мы ещё встретимся в Женеве. Он ответил вполне сердечно, но ничего не сказал о новой встрече, что показалось мне несколько странным для человека со столь пылким темпераментом.

Тут я вспомнил, что за весь разговор он не дал мне ни малейшего представления о своих нынешних занятиях, тогда как я сам рассказывал о себе едва ли не с чрезмерной откровенностью.

Имей я хоть малейшее представление о тех необычайных обстоятельствах, при которых нам предстояло встретиться вновь, его сдержанность удивила бы меня куда меньше.

2. Я опоздал на два дня

Выйдя из поезда, я оказался на перроне плохо освещённого вокзала в окружении многочисленных пассажиров, которые, казалось, успели завладеть всеми немногочисленными носильщиками. С немалым трудом я протащил два чемодана на некоторое расстояние, намереваясь оставить их в зале ожидания, а самому отправиться на поиски служащих, способных помочь мне разыскать пропавший чемодан.

Протискиваясь сквозь толпу, я наконец заметил над дверью небольшой, ярко освещённой конторы табличку «Chef de Gare» — «Начальник станции». Там меня встретил величественный чиновник в фуражке с золотым галуном и объявил, что мне придётся подождать, пока из поезда не выгрузят почту.

— Но не здесь, — добавил он, заметив, что я собираюсь опуститься на единственный свободный стул. — Это кабинет начальника станции.

Из чего я заключил, что даже в демократической стране можно ненароком совершить оскорбление величества[8].

Я снова отправился на перрон, где вскоре обнаружил огромного носильщика в синей рабочей блузе. Пришлось изложить ему свои затруднения. Но убедить, что кто-то мог отправить чемодан в Женеву вместо Генуи, оказалось чрезвычайно трудно. Однако в конце концов мы вместе направились на таможню — и обнаружили, что она заперта. Я спросил, где можно найти таможенника, но мне ответили, что сегодня вечером увидеть его уже не удастся.

— Если придёте завтра утром, может быть, сумеете получить свой чемодан, — обнадёжил меня носильщик.

Очевидно, швейцарцы были народом весьма терпеливым.

Я вспомнил золотое правило путешественника за границей: никогда не спорить с человеком в форме. Поэтому велел носильщику найти мне такси.

Когда я вышел с вокзала, моросил мелкий, колючий дождь, почти неотличимый от тумана. Было очень холодно. Я размышлял, где бы остановиться, когда вспомнил, что Беатрис, с которой мы всё это время регулярно переписывались, некоторое время жила в пансионе «Де ла Рен» на набережной Монблан. Именно туда я прежде отсылал ей письма. Место представлялось не хуже любого другого, да и цены, вероятно, были не слишком высокими.

Ехать пришлось недолго. Мы проехали по широкой улице, вдоль которой тянулись магазины и кафе, затем резко свернули на тихую площадь, окружённую высокими узкими домами, и остановились под аркой.

Я снял комнату на неделю. Она находилась на третьем этаже и выходила окнами на площадь, посреди которой был разбит унылый садик. С почти голых деревьев, на ветках которых ещё держались последние листья, капала ледяная влага, а ржавый фонтан в центре лишь усиливал общее впечатление сырости.

К ужину я опоздал, но мне подали превосходные рамекены[9] и довольно жёсткий бифштекс. Всё это я запил бутылкой жидковатого швейцарского вина. В этой трапезе уже угадывалась господствующая черта города: всё вполне сносно, но ничто не вдохновляет.

В Женеву я приехал впервые, однако немало слышал о ней прежде. Город шпионов, беженцев и международных организаций, где старинные традиции с трудом сохранялись в снобизме старых семейств, совершенно не проявлявших какого-либо особого радушия к приез-

---

[8] Оскорбление величества. Французское выражение *lèse-majesté* (от латинского *laesa maiestas*) обозначает преступление против достоинства монарха или верховной власти. Рассказчик иронически применяет его к железнодорожному чиновнику, который воспринимает собственный кабинет почти как королевские покои.

[9] Рамекены (*ramequins*). Небольшие горячие блюда французской и швейцарской кухни, обычно приготовляемые с сыром и запекаемые в формочках или в тесте. В Женеве известны сырные рамекены, которые могли подаваться как лёгкая закуска.

жим. Лучше всего я знал Женеву по письмам своего старого приятеля Дика Брейтуэйта из британской Секретной службы. Во время войны он служил здесь, когда город буквально кишел агентами всех наций и превратился в место самых невероятных приключений.

Если подумать, Женева всегда была рассадником зловещих заговоров. Здесь Елизавета Богемская[10] была убита безмозглым двадцатилетним анархистом. Здесь Ленин прожил шесть лет, вынашивая свой великий замысел. Любопытно было размышлять о том, что город, некогда оглашавшийся проповедями Нокса и Фареля[11], стал колыбелью другой, ещё более зловещей революции. Здесь же, как рассказывали, синьор Муссолини дебютировал в качестве социалиста, прежде чем сообразил, что чёрная рубашка идёт ему гораздо больше красной[12].

Сегодня вечером Женева, по-видимому, предавалась веселью. Как раз заканчивался первый день трёхдневного празднества в честь ежегодного карнавала Эскалады[13], посвящённого попытке герцога Савойского захватить город в 1602 году. Савойцы ночью проникли в Женеву, но после трёх дней отчаянных боёв доблестные горожане изгнали их. Это было самое кровопролитное сражение за последние триста лет. Общие потери составили пятьдесят четыре человека.

Хозяин пансиона сообщил мне, что сейчас в городе проходит несколько костюмированных балов и некоторые кафе будут открыты всю ночь.

Решив, что небезынтересно будет посмотреть, как развлекаются швейцарцы, я отправился на прогулку. Хозяин посоветовал мне посетить «Мулен Руж», где, по его словам, можно было увидеть танцы и другие увеселения.

По дороге мне встречались компании унылых гуляк, большей частью в масках. Из грязноватых костюмов Пьеро, увенчанных помятыми, обвисшими воротниками, торчали посиневшие от холода руки. Время от времени кто-нибудь из них извлекал хриплый звук из жестяной дудки, но по большей части участники празднества молча брели, сцепившись за руки, словно сами сознавали нелепость своего вида.

Иногда мимо проходили группки маленьких детей в высоких остроконечных бумажных колпаках, совершенно промокших и отсыревших. Держась за руки, они тонкими голосами распевали какую-то унылую, однообразную песенку.

В другое время подобное зрелище, пожалуй, повергло бы меня в тоску, но в тот благоприятный вечер моё настроение было неуязвимо для любых огорчений.

Я пошёл вдоль улицы, оставляя Рону по левую руку, затем свернул к реке и пересёк её по пешеходному мосту. Посреди моста находилась плотина, регулировавшая подачу воды для выработки электроэнергии, питавшей городское освещение. Почти все затворы были подняты, и вода с рёвом устремлялась сквозь тесные проходы, вздымаясь пеной и закручиваясь водоворотами.

---

[10] Елизавета Богемская. В оригинале — Elizabeth of Bohemia, здесь допущена историческая ошибка. Речь, несомненно, идёт об императрице Елизавете Австрийской (1837—1898), супруге Франца Иосифа I, известной также как Сиси. Она была убита в Женеве 10 сентября 1898 года итальянским анархистом Луиджи Луккени. Настоящая Елизавета Богемская (1596—1662), прозванная Зимней королевой, умерла в Лондоне.

[11] Нокс и Фарель. Джон Нокс (ок. 1514—1572) — шотландский религиозный реформатор, один из основоположников пресвитерианства; Гийом Фарель (1489—1565) — французский протестантский проповедник, сыгравший важную роль в утверждении Реформации в Женеве. Город стал одним из ведущих центров европейского протестантизма.

[12] Муссолини и чёрная рубашка. Бенито Муссолини (1883—1945) в молодости участвовал в социалистическом движении и в 1902—1904 годах жил в Швейцарии, преимущественно в Лозанне и других городах. Позднее он порвал с социалистами и возглавил фашистское движение. Чёрные рубашки стали отличительной формой итальянских фашистов.

[13] Эскалада (*L'Escalade*). Традиционный женевский праздник, посвящённый отражению нападения войск Карла Эммануила I, герцога Савойского, в ночь с 11 на 12 декабря 1602 года. Название происходит от французского *escalade* — «взбирание», «штурм с помощью лестниц»: савойские солдаты пытались проникнуть в город, взобравшись на его укрепления. Нападение было отражено в течение одной ночи. В тексте романа ошибочно говорится о трёх днях боёв. Упоминаемые автором 54 погибших соответствуют числу убитых савойцев, тогда как защитники города потеряли ещё 18 человек.

Снова свернув направо, а затем налево, я поднялся по длинной широкой улице Корратри. Слева над нею высились дома старого города, поднимавшиеся по склону к собору.

Наверху я спросил дорогу у жандарма. Тот направил меня через площадь Нёв, где находились оперный театр и консерватория, к обширному открытому пространству под названием Пленпале, на котором развернулась ярмарка.

Карусели крутились, качели раскачивались, однако народу было немного и всё происходящее выглядело довольно уныло.

Очевидно, жители Женевы истощили весь свой запас жизненных сил в ту знаменитую ночь три столетия назад. С тех пор Кальвин и местный климат окончательно взяли над ними верх.

Пересекая угол площади, я вскоре оказался на боковой улице, где располагался «Мулен Руж».

Внутри было битком набито людьми. Мне с трудом удалось отыскать свободное место неподалёку от двери, и я заказал бренди с содовой.

Значительная часть публики была облачена в самые разнообразные маскарадные костюмы. В одном конце зала во всю мощь гремел оркестр, музыканты которого красовались в коротких чёрных куртках и белых фланелевых брюках. Когда оркестр прерывался, чтобы перевести дух, позади меня с оглушительным грохотом вступал электрический орган.

Помещение было затянуто сизым табачным дымом, и всё происходящее казалось мне дешёвым подражанием парижскому Монмартру[14].

Вдоль стен сидели грубо накрашенные женщины, одни в одиночестве, другие в обществе мужчин, которых я принял за местных торговцев. Те, кому достались места на возвышении, опоясывавшем зал, потягивали шампанское, тогда как более скромные посетительницы, расположившиеся за столиками прямо у танцевальной площадки, довольствовались стаканами тёмно-красного напитка, в котором плавали нарезанные ломтиками бананы, апельсины и яблоки.

Вскоре после моего появления свет приглушили, и среди столиков принялась босиком танцевать какой-то классический танец высокая, необыкновенно худая девушка, неуклюже задрапированная складками материи. Её ничего не выражавшее лицо, обрамлённое обесцвеченными волосами, то поднималось, то опускалось над головами сидящих гостей, словно тусклый фонарь, болтавшийся в руке пьяницы.

От нескольких компаний доносились громкие крики, по залу летели серпантинные ленты, и вскоре всё вокруг оказалось завалено грязными полосками разноцветной бумаги, опутавшими столы, стулья и толстые шеи веселящихся.

Итак, вот она какая — Женева.

В тот момент город представлялся мне местом, где все виды возбуждения и веселья находились в настоящем упадке. Полчаса спустя я решил отправиться спать, предвкушая завтрашнюю встречу с Беатрис.

И тут всё началось.

В зал внезапно вошёл какой-то человек. Быстро оглядев столики, он направился прямо ко мне и опустился на свободный стул рядом.

Это был тщедушный, низкорослый человечек, смахивавший на крысу, с чёрными волосами, чрезвычайно выдающимися носом и зубами — несомненно еврей. Он тяжело дышал, словно только что бежал, и я заметил, что руки у него дрожат.

---

[14] Монмартр. Район Парижа, который на рубеже XIX—XX веков прославился своими кабаре, артистическими кафе, танцевальными залами и богемной жизнью. Именно на Монмартре находилось знаменитое парижское кабаре «Мулен Руж», открывшееся в 1889 году.

Однако едва я успел подметить эти подробности, как незнакомец, к моему величайшему изумлению, положил руку мне на предплечье.

— Вы опоздали на два дня, — резко произнёс он по-немецки. — И какого чёрта вам вздумалось заявиться сюда? Эфес вам этого не простит.

Я недоверчиво уставился на него, но тут выражение его лица изменилось. Казалось, только что произнесённые слова внезапно улетучились с его губ. Он с застывшим от ужаса взглядом смотрел через зал на группу людей в маскарадных костюмах, сидевших в противоположном углу.

Двое из них поднялись и быстро направились к нам.

Первым был высокий стройный Арлекин в чёрно-серебряном костюме и маске, закрывавшей лицо до подбородка. Он ловко скользил между кружащимися на танцевальной площадке парами.

Второй был низкорослый человек, одетым клоуном — в свободный мешковатый костюм и высокий остроконечный колпак. Его лицо, раскрашенное обычным для клоунов образом, показалось мне смутно знакомым. Но вспомнить, где я его видел, не удалось, тем более что всё моё внимание было приковано к соседу, который, пока двое незнакомцев пересекали зал, словно оцепенел от ужаса.

Он смотрел на приближавшихся людей как зачарованный, и лишь когда те оказались совсем близко, оцепенение внезапно прошло.

Когда их отделяло от нас не больше двух столиков, он резко вскочил, с каким-то сдавленным звуком в горле сунул мне в руку какой-то предмет и, повернувшись, устремился к двери.

Он достиг её одновременно с Арлекином и клоуном.

Встретив его, оба отвесили глубокий поклон — как мне показалось, издевательского характера. Арлекин слегка коснулся его плеча своим жезлом, а клоун крепко взял под руку.

Случайному наблюдателю всё это могло показаться всего лишь неожиданной встречей троих друзей. Но я видел, до какого жалкого состояния довёл этого маленького незнакомого еврея страх, и потому жесты Арлекина и клоуна представлялись мне исполненными зловещего смысла.

Клоун немедленно распахнул дверь, и все трое разом исчезли.

В первую минуту я был настолько поражён, что не мог ничего предпринять. Однако, когда дверь за ними захлопнулась, я опомнился и поднялся, по-прежнему сжимая в руке предмет, который незнакомец так неожиданно мне сунул. На ощупь это был какой-то бумажник.

Я подошёл к двери и вышел в вестибюль.

В ту же минуту хлопнула входная дверь, ведущая на улицу. Мне почудилось, что снаружи слышится какая-то возня. Мгновение спустя в вестибюль вернулся швейцар, дежуривший у входа. Он дышал несколько учащённо.

Я тотчас подошёл к нему и спросил, не выходил ли только что из здания маленький черноволосый человек в сопровождении двух других.

— Нет, месье, — ответил он. — Никто не выходил. Совершенно никто.

— Но я в этом уверен, — возразил я. — Он вышел минуту назад. Я сам видел, как он направился к выходу.

Тут швейцар самым бесстыдным образом переменил свои показания.

— Ради доброго имени нашего заведения, — сказал он, — я прошу месье ни о чём не говорить. Человек, о котором вы спрашиваете, только что арестован. Месье, конечно, понимает, что нам совершенно не нужен скандал.

— А, ну тогда ладно, — согласился я. — Меня это не касается.

Я всё ещё держал в руке бумажник, столь таинственным образом оказавшийся у меня. В иных обстоятельствах я тут же передал бы его швейцару, но тот уже успел солгать мне, дав все основания усомниться в своей честности.

Поэтому я просто потребовал своё пальто и вернулся в пансион «Де ла Рен», по-прежнему сохраняя при себе собственность маленького еврея.

3. Я получаю приглашение от бабушки

Вернувшись к себе в номер, я внимательно осмотрел бумажник.

В нём находился только лист плотной почтовой бумаги, одна сторона которого была примерно наполовину заполнена цифрами, расположенных группами. Совершенно очевидно, это была какая-то шифровка, однако под документом стояли подписи семи человек, причём все семь имён были написаны *en clair* — открытым текстом.

Впрочем, в тот вечер я не стал утруждать себя дальнейшим изучением находки, а вскоре улёгся в постель и крепко заснул.

Я устал, а странные происшествия в «Мулен Руж» сумели лишь слегка ухудшить моё превосходное настроение. Да и в любом случае до утра я ничего не мог предпринять. За годы войны я приобрёл привычку, сохранившуюся у меня по сей день: откладывать до завтра всё, чего нельзя сделать сегодня. Мне приятно думать, что эта привычка свойственна всем наиболее привлекательным обитателям земного шара. Моя дорогая матушка называет её ленью, а дядя Джеймс из фирмы «Джеббатт и Джеббатт» частенько предсказывает, что когда-нибудь она приведёт меня и всё наше семейство прямиком в контору управляющего по делам о банкротстве.

На следующее утро я проснулся довольно поздно. Я ещё не успел вспомнить ни о маленьком еврее, ни о его бумажнике, когда мне принесли кофе, горячую воду и письмо.

Я ещё не проснувшись до конца вскрыл конверт, даже не задумавшись, насколько странно получать письма в городе, где, насколько мне было известно, никто ещё не знал моего адреса.

Письмо было написано по-немецки и гласило следующее:

Пансион «Эфес».

11 декабря.

Мой дорогой внук!

Я очень рада узнать, что ты наконец прибыл в Женеву. Мне искренне жаль, милый мой мальчик, что обстоятельства, которые ты в своей телеграмме называешь непреодолимыми, заставили тебя опоздать на два дня. Однако я надеюсь, что ты больше не станешь терять времени и поспешишь навестить меня.

Поэтому сегодня я ожидаю тебя к чаю ровно в четыре часа пополудни по адресу: улица Этьен-Дюмон, дом 140. Дядя Ульрих и дядя Фриц тоже будут здесь, и мы сможем славно побеседовать в тесном семейном кругу. Нам нужно рассказать тебе довольно много.

А также с нетерпением ожидаю маленького подарка, который ты, по твоим словам, везёшь мне. Поскольку вещица совсем небольшая, надеюсь, ты будешь беречь её особенно тщательно и ни в коем случае не потеряешь.

Должна также, дорогой мой мальчик, прибавить несколько слов предостережения, которые, я надеюсь, ты поймёшь правильно, ибо тебе хорошо известны моя любовь и нежная привязанность к тебе. Ты натура пылкая, а поскольку Женева сейчас предаётся праздничному веселью, у тебя может возникнуть соблазн дать волю своему темпераменту в обществе других участников карнавала. Здешняя полиция, конечно, снисходительна, однако она не допускает чрезмерно шумных ссор и беспорядков на улицах. Поэтому я убедительно прошу тебя быть осторожным и не позволять своему горячему нраву брать верх над рассудком, чтобы не оказаться в неприятном столкновении с блюстителями закона.

Ещё раз, заверяю тебя в моей глубокой любви, а также в том, что здесь тебя ожидает самый сердечный приём, остаюсь
твоей любящей
Бабушкой.

Сказать, что это письмо меня изумило, значило бы выразиться слишком слабо.

Я прочёл его дважды и сперва пришёл к выводу, что стал жертвой глупого розыгрыша. Однако секундное размышление убедило меня, что в Женеве едва ли найдётся человек, которому вздумалось подшутить надо мной подобным образом.

Мой французский приятель Лавель, работавший в Секретариате Лиги Наций, был последним человеком, от которого я мог ожидать подобной выходки. Что же касается Беатрис Харвел, у неё было слишком изысканное чувство юмора, чтобы затевать столь замысловатую мистификацию. К тому же ни он, ни она ещё не знали о моём приезде.

Следующей моей мыслью было, что письмо предназначалось кому-то другому. Но, взглянув на конверт, я обнаружил совершенно правильный адрес: «Герру Томасу Престону».

Я ещё раз внимательно перечитал послание и отметил, что моя достопочтенная бабушка, кем бы она ни была, явно испытывала горячее желание получить упомянутый в письме маленький подарок. Настойчивые предостережения не потерять его, какие едва ли встретишь в обычном семейном письме, несомненно, должны были подчеркнуть особую ценность подарка.

Здесь всё представлялось достаточно ясным. Но при этом упоминания о полиции и моём двухдневном опоздании оставались для меня совершенно непонятными.

«Опоздали на два дня!»

Где я уже слышал эти слова?

И тут я вспомнил, что именно с них вчера вечером начал разговор маленький еврей.

«Вы опоздали на два дня», — сказал он, добавив, что Эфес мне этого не простит.

А теперь передо мной лежало письмо из пансиона «Эфес».

Очевидно, между письмом, маленьким евреем и документом, который он в панике сунул мне в руку, существовала какая-то связь.

Но каким образом он меня разыскал? И кто, ради всего святого, была эта моя бабушка, не говоря уже о дяде Ульрихе и дяде Фрице?

По-видимому, за одну ночь я обзавёлся целым семейством взволнованных родственников, совершенно мне неизвестных ранее.

Я извлёк документ из бумажника и принялся его рассматривать.

В шифре мне не удалось разобрать ровно ничего, зато подписи оказались значительно интереснее. Пять фамилий ничего мне не говорили, но шестую и седьмую я, кажется, узнал.

Фамилия «фон Бюлен» определённо встречалась мне прежде, хотя я никак не мог вспомнить где. А «фон Шталь» была ещё более знакомой.

И вдруг меня осенило.

После войны наша фирма имела кое-какие дела с немецкими предприятиями, и я вспомнил небольшой заказ из Германии на какие-то металлические изделия — какие именно, уже не помню, — который прошёл через мои руки. Все относящиеся к нему документы были подписаны фамилией «фон Шталь».

Дядя тогда рассказывал мне, что это, возможно, самый богатый человек во всей Германии, однако известен очень немногим и совершенно сторонится политики.

Опасный человек, говорил дядя, потому что держится тихо и, на виду, ничего не делает, хотя считается весьма влиятельной особой.

Теперь, установив, кто такой фон Шталь, я сразу вспомнил и фон Бюлена.

Он возглавлял огромный концерн по производству вооружений, на предприятиях которого была изготовлена большая часть германских орудий и боеприпасов. Почти не вызывало сомнений, что колоссальные прибыли, полученные концерном за время войны, были выведены

за границу и потому не пострадали от падения курса марки[15]. Следовательно, фон Бюлен и теперь должен был оставаться сказочно богатым человеком.

Итак, документ, по всей видимости, представлял немалую важность.

Вскоре я пришёл к заключению, что маленьким подарком, о котором с такой нежной заботой писала моя бабушка, было не что иное, как лист бумаги, столь необычным способом попавший ко мне в «Мулен Руж».

Что он означал, я не имел ни малейшего представления, но совершенно очевидно, что он обладал значительной ценностью.

Иначе маленький еврей не стремился бы с такой поспешностью избавиться от него перед арестом, а моя «бабушка» не стала бы столь незамедлительно предпринимать меры для его возвращения.

В этой истории чувствовалась тайна, над которой было приятно поломать голову.

Я размышлял о ней во время бритья и решил посоветоваться с Беатрис. Эта мысль придала загадке дополнительную привлекательность.

Я оделся как можно быстрее и позвонил в Секретариат Лиги Наций.

Мне доставило большое удовольствие услышать её изумлённый возглас, когда она услышала мой голос. Ещё приятнее было сознавать, что она вообще его узнала — да ещё по телефону, после столь долгой разлуки!

За какие-нибудь тридцать пять секунд (во всяком случае, мне так показалось) я ответил приблизительно на тридцать пять вопросов, а затем предложил ей пообедать вместе.

К счастью, она была свободна, и мы условились встретиться в час дня в гриль-ресторане гостиницы «Дю Лак».

Отойдя от телефона, я встретил хозяина пансиона. Тот выразил надежду, что я получил записку, которую доставили для меня сегодня утром.

Человек, передавший её, сообщил, что дело чрезвычайно срочное.

Я достал из кармана конверт и только теперь заметил, что на письме, которое я сперва принял за обычное почтовое отправление, не было марки.

Я спросил, кто принёс записку.

Оказалось, её доставила дама, явившаяся рано утром, около половины девятого, когда я ещё спал. Она распорядилась передать письмо немедленно, как только меня разбудят.

Я осведомился о внешности незнакомой посланницы.

Хозяин ответил, что не особенно её разглядывал, но помнит, что она была стройной, даже хрупкой.

Никаких подробностей её туалета он припомнить не мог, за исключением одной: когда девушка на мгновение остановилась перед зеркалом, чтобы поправить шляпку, он заметил, что та украшена фазаньим пером.

— Вы уверены, что она была молодой? — спросил я.

— В таких вещах никогда нельзя быть уверенным, — ответил хозяин. — Но я бы дал ей не больше двадцати пяти лет.

— А она, случайно, не годилась по возрасту мне в бабушки? — предположил я.

— Безусловно, нет, — заявил хозяин.

Я поблагодарил его за сведения и собрался немного прогуляться до встречи с Беатрис, осмотреть город и спокойно поразмыслить над тем, какими способами можно было бы разгадать мою тайну.

Вчерашний дождь прекратился, хотя над городом по-прежнему нависали тяжёлые тучи.

---

[15] После Первой мировой войны Германия пережила тяжёлый финансовый кризис, кульминацией которого стала гиперинфляция 1923 года. Германская марка практически утратила покупательную способность, уничтожив значительную часть сбережений населения.

Не стану утомлять вас подробным описанием прогулки. Достаточно сказать, что я отправился в направлении университета и в конце концов очутился в саду Бастионов, где с изумлением разглядывал памятник невероятной уродливости.

Кальвин, Беза, Нокс и Фарель[16], вдвое превышавшие человеческий рост, взирали со стены неподвижными, ничего не выражавшими глазами. По обе стороны от них располагались другие фигуры и сцены, запечатленные в низком рельефе. Среди них я заметил цареубийцу Кромвеля и его секретаря Джона Мильтона[17].

Внезапно кто-то хлопнул меня по плечу.

Я обернулся — и оказался лицом к лицу с Джерри Каннингемом.

Джерри был лучшим из младших офицеров моей батареи. Я не видел его с того дня, когда его, окровавленного и страшно изувеченного, вынесли из-под обломков орудия №3, получившего прямое попадание немецкого шестидюймового снаряда в «славное первое июля 1916 года»[18].

Меня потрясло, как сильно он изменился.

Когда-то Джерри был настоящим щёголем, особенно щепетильным в отношении покроя своего мундира и необыкновенно гордившимся полевыми сапогами, изготовленными самым дорогим лондонским сапожником.

Теперь передо мной стоял человек среднего роста с исхудавшим лицом и лбом, изборождённым глубокими морщинами. Одет он был небрежно, хотя костюм имел превосходный покрой. Джерри опирался на трость с резиновым наконечником.

— Боже правый, Джерри! — воскликнул я. — Какими судьбами ты оказался в Женеве?

— А ты-то сам что здесь делаешь? — парировал он.

Мы пошли через сад к кафе, где, по словам Джерри, подавали мюнхенское пиво.

Пока он медленно ковылял рядом со мной, рассказал, как сложилась его жизнь после нашей последней встречи.

Я обнаружил, что душевно он изменился не меньше, чем внешне. Прежде Джерри был самым весёлым и очаровательным товарищем, какого только можно пожелать. Теперь в каждом его слове звучали горечь и безнадёжность. И удивляться тут было нечему.

После нескольких месяцев, проведённых в госпитале, его в конце концов демобилизовали, назначив пенсию в сто фунтов в год и оставив на всю жизнь с хромой ногой.

Бедный старина Джерри! Ведь в Оксфорде он был лучшим спортсменом на своем курсе.

Он перепробовал целый ряд занятий, но нигде не задерживался надолго. Благодаря небольшим собственным средствам ему кое-как удавалось сводить концы с концами.

В настоящее время он служил домашним учителем у двух мальчиков, сыновей богатого французского военного спекулянта, который желал, чтобы дети выучили английский. Этот господин, по словам Джерри, произнесённым с яростной насмешкой, успел нажить на войне столько денег, что мог позволить себе роскошь держать бывшего офицера на положении домашнего слуги высшего разряда.

---

[16] Кальвин, Беза, Нокс и Фарель. Рассказчик описывает знаменитую Стену Реформации (Mur des Réformateurs) в женевском парке Бастионов. В центре монумента находятся колоссальные фигуры четырёх деятелей протестантской Реформации: Жана Кальвина, Теодора де Беза, Джона Нокса и Гийома Фареля. Строительство памятника велось в 1909—1917 годах.

[17] Кромвель и Мильтон. Оливер Кромвель (1599—1658) — английский военачальник и государственный деятель, один из руководителей парламентских сил во время Английской революции. Он входил в число лиц, подписавших смертный приговор королю Карлу I. Джон Мильтон (1608—1674), знаменитый поэт, автор «Потерянного рая», служил секретарём по иностранным языкам при республиканском правительстве. Оба связаны с историей английского протестантизма, поэтому упоминаются среди деятелей, представленных на женевском памятнике.

[18] «Славное первое июля 1916 года». Горько-ироническое обозначение первого дня битвы на Сомме. 1 июля 1916 года британские войска начали широкомасштабное наступление на германские позиции во Франции. За один день британская армия потеряла более 57 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Упомянутый в оригинале five-nine — распространённое у британских солдат разговорное название германского снаряда калибра 5,9 дюйма, приблизительно 150 мм.

Джерри согласился на эту работу просто от скуки.

Сейчас он находился в Женеве вместе со своими юными подопечными, намереваясь провести здесь две-три недели, прежде чем отправиться с ними в горы на зимний спортивный сезон.

— Правда, мне-то от этих развлечений теперь никакого проку, старина, — сказал он.

И я вспомнил, как в 1913 году он завоевал золотые лыжи в Вилларе[19].

Когда мы уже собирались войти в кафе, Джерри обернулся ко мне и шутливо спросил:

— И кто эта дама?

Я удивлённо взглянул на него.

— Послушай, дорогой мой, — запротестовал я, — я приехал только вчера вечером. Позволь мне хотя бы одно утро провести в спокойствии!

— Возможно, ты сам об этом не подозреваешь, — сказал Джерри, — но всё время, пока мы шли, за нами на расстоянии примерно пятидесяти метров следовала девушка, которая, судя по всему, питает к тебе самые дружеские чувства.

— Вон она, — продолжал он, кивнув в сторону общественного здания на другой стороне улицы.

Я посмотрел туда и увидел на противоположном тротуаре невысокую стройную девушку в коричневом платье и коричневой шляпке, украшенной фазаньим пером.

— Ты имеешь в виду ту девушку в коричневом? — спросил я.

Джерри кивнул.

— В жизни её не видел, — сказал я. — Пойдём в кафе, и я всё тебе расскажу.

Мы вошли в кафе и уселись перед двумя большими кружками пива, которое оказалось действительно превосходным. После этого я рассказал Джерри обо всём, что произошло со мной с момента приезда в Женеву.

По мере того как я продолжал рассказ, скучающее выражение исчезало с его лица. Не успел я закончить, как он уже горел желанием взглянуть на документ.

— Вот он, — сказал я, передавая ему под столом бумажник. — Только не размахивай им особенно усердно. Я начинаю подозревать, что эта вещица обладает неприятной способностью притягивать совершенно нежелательное любопытство в самых неожиданных местах.

— И что же ты собираешься с ней делать? — спросил Джерри, изучив документ.

— Мне кажется, — предположил я, — что я должен по крайней мере явиться на свидание с бабушкой. Старушка разбудила во мне любопытство.

Джерри ещё раз внимательно осмотрел документ, но сумел извлечь из него не больше, чем я, за одним исключением: он узнал ещё одну подпись.

По его словам, она принадлежала Герцлеру, южноафриканскому алмазному магнату немецкого происхождения, который, насколько помнил Джерри, был также подданным Германии.

Джерри очень хотелось сопровождать меня на семейное чаепитие, но я сказал ему, что бабушка, очевидно, желает видеть меня одного.

— Ну что ж, ладно, — сердито отозвался он. — В конце концов, от хромого в трудную минуту немного пользы.

— Чёрт тебя побери, Джерри! — почти закричал я. — Не говори глупостей! Ты ведь прекрасно знаешь, что дело совсем не в этом!

В конце концов, мы пришли к соглашению: вечером поужинаем вместе в ресторане «Пла д'Ор», где, как заверил меня Джерри, подают филе-миньон — одно из немногих действительно хороших блюд, какие можно найти в Женеве.

---

[19] Виллар-сюр-Оллон — горный курорт в швейцарском кантоне Во, известный зимними видами спорта. Рассказчик вспоминает, что Джерри получил здесь лыжную награду в 1913 году.

Мы ещё долго сидели, разговаривая о разных вещах, пока не пробило час дня.

Тогда мы покинули кафе, вызвали такси и отправились к гриль-ресторану гостиницы «Дю Лак», договорившись по дороге высадить Джерри у гостиницы «Де Франс», где он остановился.

Когда мы садились в автомобиль, я заметил, что девушка с фазаньим пером стоит совсем близко от нас, буквально в пяти шагах. Как только машина тронулась, она шагнула вперёд, явно намереваясь заговорить со мной. Однако такси уже успело набрать скорость.

Обернувшись, я увидел, что она смотрит нам вслед. Спустя мгновение девушка помахала рукой. У меня никогда не было привычки оставлять дружеские приветствия без ответа, и я машинально помахал ей в ответ.

— Если хочешь, можем остановиться, — предложил Джерри, и в его голосе на мгновение зазвучало прежнее озорство.

— Сейчас не стоит, — ответил я. — У меня такое предчувствие, что, нравится мне это или нет, я ещё встречусь с этой дамой. Очевидно, она тоже принадлежит к семейству — какая-нибудь племянница дяди Ульриха или что-нибудь в этом роде.

У гостиницы «Де Франс» мы расстались, а минуту спустя я уже пожимал руку Беатрис в вестибюле гостиницы «Дю Лак».

Беатрис Харвел — одна из самых хорошеньких девушек, каких мне когда-либо доводилось встречать.

Она сидела напротив меня за маленьким угловым столиком, прямая, словно проглотившая аршин, в безукоризненно сшитом жакете и юбке. Её тёмные волосы были гладко уложены под небольшой французской шляпкой, особенно выгодно подчёркивавшей живость глаз и свежий цвет лица.

Передо мной была очаровательная английская девушка, которая, оставаясь англичанкой до мозга костей, тем не менее успела понять, что в искусстве одеваться французам почти нечему учиться у других народов.

По складу ума, и по сложению, и по чертам лица в ней ощущались собранность и уверенность. Её удар справа в теннисе отличался той же точностью и верным расчётом, что и суждения о людях и обо всём происходящем вокруг.

В первые дни нашего знакомства она даже немного подавляла меня. Была до ужаса самостоятельной и уверенной в себе. В ней не было ничего беспомощного, ничего, что позволяло бы относиться к ней свысока как к представительнице слабого пола.

Я испытывал естественное недоверие галантного мужчины к девушке, которая никогда не просит поблажек. Но довольно скоро я обнаружил, что у Беатрис бывают минуты, когда обнаруживаются её необычайная чуткость и глубоко женственная натура.

Я начал с расспросов о её жизни в Секретариате.

— Меня называют двуязычной стенографисткой, — объяснила она, когда на столе появилась морская камбала, искусно укрытая грибами.

— Довольно громоздкое название, — заметил я.

— Зато это значит лишние пятьдесят франков в месяц, — возразила она.

— Я много слышал о вас, женевских служащих, — сказал я. — Вы почти ничего не делаете и тратите по нескольку гиней в неделю на шёлковые чулки.

— Тебе придётся опровергнуть эти слухи, Том. Они меня раздражают. Мы живём в отвратительном маленьком пансионе, в городе, где солнце показывается раз в десять дней. Здесь скучно и уныло, а работаем мы как негры. Я бы уехала ещё год назад, если бы меня не назначили личным секретарём одного довольно милого француза.

— Вот как? — произнёс я, внезапно задумавшись, зачем я откладывал нашу встречу почти два года. — Значит, ты переносишь все эти ужасы ради него?

— Он лучший из всей компании, — ответила Беатрис.

Она всегда игнорировала сарказм и никогда не пользовалась удобным случаем, чтобы жеманничать или кокетничать, рассказывая о своих отношениях с представителями моего любопытного пола.

— Имя, пожалуйста, — потребовал я.

— Анри Лавель. Он работает в отделе, занимающемся политическими вопросами. Умнейший человек, и работа у него ужасно интересная. Помимо прочего, он наш специалист по шифрам.

Я снова смог свободно вздохнуть.

Да ведь это же мой старый приятель Лавель из французской армии — единственный знакомый мне человек в Секретариате!

— Великолепный малый, — великодушно засвидетельствовал я. — Пожалуй, я ещё могу вынести мысль, что ты служишь у него секретарём. Скоро я тоже собираюсь его навестить. Собственно говоря…

Я умолк.

Мне вдруг пришло в голову, что это прекрасная возможность пролить свет на мою загадку.

— Ну же, продолжай, — сказала Беатрис. — У тебя такой вид, будто ты хочешь что-то сказать.

— Очень многое, — ответил я.

И я рассказал ей обо всём, что случилось со мной после приезда в Женеву.

Она отнеслась к услышанному гораздо серьёзнее, чем я ожидал. Собственно говоря, именно выражение её лица, когда я закончил рассказ, впервые заставило меня задуматься, что всё это дело может оказаться по-настоящему опасным.

— Мне это не нравится, Том, — сказала она. — Сейчас происходит столько странных вещей! К тому же в Женеве всегда полно всевозможных международных агентов.

— Международных агентов! — воскликнул я. — Но ведь мы живём в реальном мире! У меня британский паспорт, и зовут меня Томас Престон из фирмы «Джеббатт и Джеббатт».

— Не обманывай себя, — ответила Беатрис. — Мой начальник немало рассказывал мне о подобных делах. Раньше он служил во французской разведке.

— Ума не приложу, каким образом всё это может иметь хоть какое-то отношение ко мне, — возразил я.

— Ты собираешься пойти по этому адресу на улице Этьен-Дюмон?

— А почему бы и нет?

— Будь осторожен, Том.

Произнося эти слова, она положила руку мне на предплечье. Я встретился с ней взглядом и понял, что она действительно встревожена.

Полагаю, именно эта невольная тревога за мою безопасность, а вовсе не превосходное вино «Марго», внезапно сделала мир в моих глазах куда более прекрасным и светлым.

— Беспокоиться совершенно не о чем, — заверил я её. — Судя по всему, в Женеве на каждом квадратном метре находится столько жандармов, что всем жителям обеспечена полнейшая безопасность. И все они к тому же великолепно обмундированы.

— Ты говоришь, документ зашифрован? — спросила Беатрис, по-прежнему с серьёзным выражением на лице.

— Да. И я как раз хотел предложить показать его Лавелю.

Я сунул руку в карман, но прежде, чем успел достать бумагу, Беатрис неожиданно толкнула меня ногой под столом. Я посмотрел на неё и увидел, что она с удивительным искусством притворяется совершенно равнодушной к чему-то, находящемуся немного правее меня.

Я небрежно оглянулся. За столиком в двух шагах от нас обедали двое мужчин.

Ближайший ко мне был высокий, массивно сложенный, с коротко обритой головой и светло-голубыми глазами. Его лицо пересекали многочисленные шрамы, и я безошибочно узнал бы в нём пруссака того самого типа, какой на протяжении всей войны изображался в карикатурах союзнической прессы. Шрамы были следами мензурных поединков его студенческих лет[20].

Напротив него сидел человек средних лет. У него была красивая шелковистая борода ярко-золотистого цвета, аккуратно подстриженная; широкий лоб, хорошо посаженные глаза, прямой нос и удивительно нежный, почти женственный цвет лица.

С первого взгляда он производил впечатление умного и чуткого филантропа, склонного к уединению. В нём чувствовалась особая значительность, свойственная человеку, который неотступно преследует какую-то собственную цель и мало интересуется пошлыми заботами суетного света.

Пока я украдкой рассматривал его, он что-то заказал официанту, и я отметил, что говорил по-немецки. Затем он заметил, что я смотрю на него, и повернул голову в мою сторону.

Глаза у него были тёмные, с необычайно расширенными зрачками. Он бросил на меня короткий взгляд — проницательный, но вместе с тем странно мягкий, почти вкрадчивый. Я поймал себя на том, что совершенно глупо смотрю на него в ответ, словно утратив способность отвести глаза. Потом он опустил взгляд на свою тарелку, и я отвернулся с таким чувством, будто меня внезапно освободили.

Этот человек произвёл на меня странное впечатление. Возможно, дело было в его глазах, а возможно — в неожиданном предостережении Беатрис, остановившей меня как раз в тот момент, когда я собирался достать документ. Так или иначе, моя прежняя склонность относиться к приключению легкомысленно заметно поколебалась.

Я неожиданно почувствовал необходимость вести себя как настоящий заговорщик. И тоном человека, обсуждающего почки на вертеле, которые официант только что поставил перед нами, я повернулся к Беатрис и осведомился, за что она на меня пнула.

— Они уже некоторое время следят за нами, — тихо ответила она. — И, по-моему, пытаются подслушать наш разговор.

— Возможно, ты права, — сказал я. — В таком случае нельзя позволить им увидеть, как я передаю тебе документ.

Я подозвал официанта и попросил меню. Взяв его в руки, я поднял карточку так, чтобы она заслоняла меня от людей за соседним столиком, и сделал вид, будто поглощён изучением блюд. Правой рукой я извлёк бумажник из заднего кармана брюк, где его прятал, и незаметно сунул в рукав. Там он поместился без малейшего труда. Мгновение спустя я вложил его в сложенную карточку меню и передал всё Беатрис со словами:

— Выбирай, дорогая. Но я рекомендую фирменный пирог.

Она взяла меню и тотчас наклонилась, словно отвлеченная чем-то в своей дамской сумочке. Затем согласилась с моим выбором, и мы продолжили обед.

За кофе мы договорились, что ближе к вечеру я ей позвоню — часов около шести, как предложила она. Я должен был рассказать ей о результатах визита на улицу Этьен-Дюмон и узнать, удалось ли Лавелю разгадать шифр. Кроме того, мы решили, что до посещения бабушки я отправлюсь в полицию и наведу справки о маленьком еврее, которого будто бы арестовали накануне вечером.

Я отвёз Беатрис обратно в Секретариат и высадил у ворот сада, разбитого на террасах над унылой набережной и печальным озером. На мрачный пейзаж я не обращал никакого внима-

[20] Мензурные поединки (Mensur). Традиционные фехтовальные состязания немецких и австрийских университетских корпораций, проводившиеся по особым правилам. Участники сражались клинковым оружием на установленной дистанции. Шрамы на лице, полученные во время таких поединков, нередко считались знаками мужества и принадлежности к определённой социальной среде.

ния. Приближалась минута, когда Беатрис должна была исчезнуть в огромном здании, сплошь состоявшем, казалось, из окон, где помещался Секретариат. Расставание явно хотелось оттянуть.

Некоторое время мы стояли на тротуаре. Беатрис улыбалась мне своей прежней дружеской улыбкой, но теперь в ней чувствовалось лёгкое смущение, которого я прежде не замечал и которое испытывал в той же мере.

Наконец я произнёс, совершенно неуклюже:

— Беатрис, как же я рад снова тебя увидеть!

Её улыбка стала ещё теплее.

— Может быть, в следующий раз ты не станешь откладывать встречу на два года, — сказала она.

С этими словами она оставила меня.

Я велел шофёру отвезти меня в Центральное полицейское управление, которое, по-видимому, находилось в ратуше. Вскоре мы медленно ехали по крутым узким улицам старого города, где ещё можно было на мгновение ощутить хотя бы частицу очарования ушедших времён.

После некоторых затруднений я добрался до учреждения, напоминавшего муниципальную контору, попросил встречи с инспектором и был проведён в небольшую комнату, обставленную обычной казённой мебелью. Там меня принял полицейский самого типичного вида.

Полицейские чиновники во всём мире одинаковы, независимо от национальности. Этот был огромного роста, с громадными ступнями и чёрными закрученными усами. Он, как мне казалось, вполне охотно согласился ответить на вопросы.

Я объяснил, что вчера вечером находился в «Мулен Руж», когда примерно в половине двенадцатого возле входа был арестован полицией невысокий смуглый человек, похожий на еврея. Поскольку незадолго до ареста мне довелось немного с ним побеседовать, я, дескать, хотел бы узнать, какое продолжение получило его дело.

Чиновник выслушал меня до конца, позвонил и приказал вошедшему служащему принести полицейскую сводку за предыдущие сутки.

Получив её, он несколько минут внимательно изучал записи и наконец произнёс:

— Минувшей ночью возле «Мулен Руж» действительно были произведены три ареста, месье. Но все они произошли значительно позднее, между двумя и тремя часами ночи. Все трое арестованных — женщины, устроившие уличный скандал.

— Вы уверены? — спросил я. — Я был совершенно убеждён, что человек, с которым я познакомился, действительно арестован. Швейцар сам мне об этом сказал.

— Швейцар солгал, — заявил чиновник. — C'était probablement une blague. Вероятно, это была просто шутка. Когда город празднует, случаются самые странные вещи, и всегда находятся охотники подшутить над приезжими.

Я поблагодарил его и откланялся.

Оказавшись на улице, я остановился в нерешительности.

Это новое объяснение мне совсем не нравилось. Швейцар уже однажды солгал, когда отрицал, что маленький еврей вышел из танцевального зала. Теперь выяснилось, что он солгал и во второй раз.

Еврей не был арестован. Он просто исчез в обществе двух людей, которых явно смертельно боялся.

До назначенного бабушкой чаепития оставалось ещё около получаса, и я решил разыскать швейцара. Спустился по крутой улице к площади Нёв, пересёк её и вскоре снова оказался у «Мулен Руж».

Швейцара я обнаружил в грязной каморке позади вестибюля. В качестве предлога для своего визита я сообщил, что потерял ценную вещь и хотел бы поговорить с ним по этому поводу.

Наконец он появился — в одной рубашке, ещё не стряхнувший с себя сон и явно расположенный ворчать. Я сразу понял, что принадлежит он к той породе людей, которых необходимо не только подкупать, но и запугивать.

— Зачем вы вчера солгали мне? — резко начал я.

Он было принялся возражать, но я оборвал его.

— Маленький смуглый человек, который вчера вечером около половины двенадцатого вышел из этого заведения, вовсе не был арестован. Это мне доподлинно известно. Что же с ним произошло на самом деле?

— Я ничего не знаю, — ответил швейцар. — Месье ошибается!

— Очень жаль, что вы ничего не знаете, — сказал я. — Мне необходимо выяснить, что случилось с этим человеком, и я готов заплатить за информацию.

Я достал двадцатифранковую банкноту.

— Всё это, конечно, хорошо, — проворчал он, — но в моём положении нужно соблюдать осторожность. Я умею говорить, когда это необходимо, и умею молчать, когда необходимо молчать.

— Тогда говорите, — сказал я и протянул ему деньги.

— Что ж, месье, вы правы, — начал он. — Господин этот не был арестован. Он вышел в сопровождении двух друзей — высокого месье в костюме Арлекина и клоуна. Они держали его с обеих сторон и подвели к большому автомобилю. Затем втолкнули его внутрь, а месье Арлекин повернулся ко мне и дал десять франков за молчание. Он объяснил, что господин, которого они увозят, — известная особа, которая сегодня слишком разгулялась. Нежелательно, чтобы возник скандал, поэтому друзья везут его домой.

Теперь я видел, что швейцар наконец говорит правду.

Я даже словно воочию представил себе всю сцену: маленький еврей, дрожащий от страха, которого эти фантастические фигуры силой тащат к автомобилю, чтобы увезти в неизвестном направлении.

Я решительно прошёл через вестибюль и распахнул наружную дверь, ведущую на улицу. Но не успел я сделать и нескольких шагов, как ко мне неожиданно подошла девушка в коричневом, с фазаньим пером на шляпке.

А у тротуара стояло такси с открытой дверцей.

— *Kommen Sie schnell, Karl*[21], — сказала она. — Я жду вас, чтобы отвезти к вашей бабушке.

[21] Идите скорее, Карл (нем.)

4. Я встречаю себя в зеркале

Я изумлённо уставился на девушку и уже собирался возразить, но она приложила палец к губам, быстро оглянувшись по сторонам, словно опасалась, что за нами наблюдают.

— Осторожнее, — сказала она. — За нами, вероятно, следят. Поговорим в такси.

— Скорее! — добавила она, видя, что я всё ещё стою на тротуаре. — Не то бабушка рассердится.

Я к тому моменту уже решил навестить бабушку, так почему бы не воспользоваться этим способом, встретиться с ней?

Я сел в такси, которое, не дожидаясь никаких распоряжений, тотчас тронулось, завернуло за угол, пересекло большую площадь и направилось к старому городу.

Некоторое время мы молчали, и я позволил себе украдкой разглядывать спутницу.

Она смотрела на меня с каким-то обиженным ожиданием. Очевидно, я вёл себя совсем не так, как она предполагала.

Вблизи девушка оказалась бесспорно хорошенькой — кукольной красотой фарфоровой красавицы, с неправдоподобно голубыми, совершенно бездонными лишь на первый взгляд глазами, светлой кожей и льняными волосами. Но за этой миловидной внешностью не чувствовалось никакой глубины. Мне подумалось, что она принадлежит к числу существ, легко поддающихся мелким страстям: жадных, сентиментальных, склонных к злобе и способных на жестокость, как обезьяна, которой не дали желаемого.

Как вы уже, вероятно, догадались, фазанье перо не произвело на меня благоприятного впечатления.

Обида в её глазах становилась всё заметнее.

Наконец она не выдержала:

— Тебе совсем нечего сказать в своё оправдание?

— Совершенно, — ответил я с полной откровенностью.

Она кокетливо затрепетала ресницами и опустила глаза.

— Сердечко моё! — воскликнула она (избавлю вас от немецкого оригинала). — Значит, ты хочешь, чтобы я тебя простила?

— Почему бы и нет? — сказал я.

Эта фраза, равно как и содержащийся в ней смысл, уже не раз вовлекали меня в самые неприятные истории.

На сей раз она привела меня прямиком в объятия голубоглазой девицы. Её прощение выразилось в том, что она внезапно припала к моей груди, обвила мою шею двумя довольно сильными руками и принялась с жаром уверять, что я самый любимый на свете и настоящее маленькое сокровище.

Я начисто забыл о бабушке, полностью сосредоточившись на ощущении, что выгляжу законченным идиотом.

Затем я решительно взял её за руки, обвивавшие мою шею.

— Фройляйн, — запротестовал я, — здесь происходит какое-то недоразумение.

— Ах, Карл, — прошептала она, — как ты можешь быть таким холодным?

— Фройляйн, — повторил я.

Она резко отстранилась.

— Как это низко! — возмутилась она. — Я тебя простила, а ты всё продолжаешь ссориться! Это отвратительно! Ты разобьёшь мне сердце! Почему ты не отвечал на мои письма?

Какой-то бес подтолкнул меня продолжить играть в эту комедию. Я всегда терпеть не мог оставлять дела незаконченными.

— Тебе вообще не следовало их писать, — осторожно заметил я.

— Я ничего не могла с собой поделать, Карл, — неожиданно взмолилась она. — Знаю, это было против правил, но я так по тебе скучала!

— Я не получил ни одного письма, — решительно заявил я.

По натуре я человек простой и прямодушный, любящий при удобном случае говорить правду.

— Я отправляла их в лейпцигское отделение «Стального шлема»[22], — объяснила она. — Должно быть, их перехватили. Прости меня, Карл.

Голубые глаза снова затрепетали ресницами, и я начал опасаться нового проявления нежности.

— Я думала, ты нарочно жесток со мной, чтобы отплатить за то, что я заигрывала с тем французским шпионом в Мюнхене. Не нужно быть таким ревнивым, мой дорогой и самый любимый! Ты ведь прекрасно знаешь, что я обязана заниматься подобными вещами. Впрочем, об этом шпионе можешь больше не беспокоиться. Ему пришлось несладко.

— Неужели?

— Да. Им занялся Профессор. Ты знаешь, что это означает.

Она вздрогнула.

— Мне так и не удалось вытянуть из этого таинственного француза ни единого слова, — продолжала она. — А Профессору удалось. Говорят, ему потребовалось не больше трёх часов.

Полагаю, будь я в тот момент достаточно благоразумен и способен рассуждать здраво, мне следовало немедленно выйти из такси и обратиться в полицию. Однако по мере того как история всё больше запутывалась и приключение приобретало всё более угрожающий характер, мне почему-то всё больше хотелось посетить бабушку.

Либо всё происходящее было грандиозной мистификацией, и тогда я выставил бы себя совершенным дураком, отправившись к властям, либо я действительно оказался втянут в какую-то странную сеть интриг, распутать которую стоило даже ценой некоторого риска и потраченного времени. В конце концов, я был британским подданным и по-прежнему испытывал огромное доверие к этому почтенному положению.

Не было никакой настоящей причины для тревоги. Я всего лишь собирался посетить частный дом среди бела дня, причём в Женеве у меня был друг, который знал, куда я направляюсь, и ожидал моего звонка в шесть часов.

Впрочем, размышляя об этом впоследствии, я пришёл к выводу, что в моём упорстве скрывалась более глубокая причина. Уверен, люди нередко совершают поступки под влиянием побуждений, которых в тот момент сами до конца не понимают, хотя именно эти побуждения оказываются решающими.

В данном случае я убеждён, что с самого начала во мне инстинктивно действовало враждебное любопытство. Я подозревал, что затевается нечто недоброе, и догадывался, что дело это далеко за пределами возможностей и опыта местной полиции.

Конечно, возможно, что теперь я просто задним числом приписываю себе особую проницательность. Одно могу сказать с уверенностью: намерение посетить бабушку, принятое мною столь легкомысленно, нисколько не поколебалось от тревожных намёков девушки в такси. Напротив, лишь окрепло.

Спутница снова смотрела на меня с обиженным ожиданием.

— Почему ты со мной не разговариваешь, Карл?

— Фройляйн… — начал я.

Она остановила меня яростным жестом.

---

[22] «Стальной шлем» (*Der Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten*) — германская организация бывших фронтовиков, основанная 25 декабря 1918 года в Магдебурге Францем Зельдте. Первоначально создавалась для объединения ветеранов войны и защиты их интересов, но вскоре приобрела националистическую и военизированную направленность. Впоследствии стала одной из влиятельных правых организаций Веймарской республики.

— Фройляйн! Подумать только! После всего, что я для тебя сделала, ты обращаешься ко мне как к совершенно чужой человек! Смотри, Карл, будь осторожен! Тебе ещё понадобятся все друзья, какие у тебя остались. Сейчас в штабе ты не пользуешься особой любовью. Уж это я тебе могу сказать!

— По-видимому, — предположил я наудачу, — дело в том, что я опоздал на два дня.

Её гнев тут же иссяк, и она тревожно спросила:

— Что ты натворил, Карл? Мне ничего не хотят рассказывать, но я знаю, что произошло что-то серьёзное.

— Я опоздал на два дня, дорогая моя. Пока это всё, что я могу вам сообщить.

Она положила руку мне на запястье. Рука была тонкая, необыкновенно белая, а на безымянном пальце сверкал великолепный сапфир.

— У тебя неприятности? — спросила она.

В эту минуту в ней появилось что-то почти трогательное. Очевидно, она была искренне привязана к Карлу, который, как я подозревал, принадлежал к той породе мужчин, что постоянно пренебрегают женщинами и дурно с ними обращаются, считая это самым надёжным способом завоевать их почти рабскую преданность.

— В настоящее время со мной всё в порядке, — заверил я её.

Она внимательно вгляделась в моё лицо.

— Но ты выглядишь таким усталым и похудевшим. И совсем на себя не похож.

Она замялась.

— Неужели мы не помиримся, Карл? — умоляюще спросила она. — Ведь у нас осталось всего несколько минут.

Она положила руку мне на плечо, что немедленно повергло меня в панику.

— Прошу вас, — запротестовал я. — Не тревожьте меня сейчас. Мне нужно немного подумать.

— Ну хорошо, — угрюмо ответила она. — Только на тебя это совсем не похоже, чтобы ты был настолько поглощён своими мыслями.

Она вздохнула.

— Помнишь тот вечер в «Индре»? Я ещё говорила, что Профессору это не понравится, а ты ответил: «К чёрту Профессора!» Теперь, наверное, и ты научился бояться его, как все остальные.

Тем временем такси достигло старого города и поднималось по узкой улице с высокими домами, которая заканчивалась небольшой площадью с фонтаном посередине. Резко повернув направо, автомобиль двинулся вверх по ещё более узкой и крутой улице. Когда мы сворачивали за угол, я успел заметить её название. Это была улица Этьен-Дюмон.

Мы почти приехали. Не открыть ли теперь девушке, кто я на самом деле?

Но я понимал: если сделаю это, мои шансы увидеть бабушку станут ничтожными. А мне больше чем раньше хотелось познакомиться со старушкой.

Я продолжал молчать и чувствовал себя довольно неловко.

Пока я размышлял, кто такой Карл и почему все боятся Профессора, такси резко остановилось перед высокой узкой дверью. Моя спутница первой выскочила из машины и успела отпустить шофёра прежде, чем я сам выбрался наружу. Она подошла к двери и постучала ручкой зонтика: сначала один сильный удар, затем несколько лёгких и под конец два коротких, резких стука. На высоте человеческого роста в двери отодвинулась небольшая решётка, и из темноты на нас взглянула пара глаз.

— Эфес, — произнесла девушка.

— Они не умерли, а спят[23], — ответил человек по ту сторону двери.

[23] «Они не умерли, а спят». Пароль соединяет два религиозных мотива. Первый — христианское предание о семи эфесских

Очевидно, это был какой-то пароль, потому что сразу после этого дверь отворилась, и моя спутница жестом предложила следовать за ней.

Мы оказались в тёмном узком коридоре длиной около тридцати футов, проходившем через весь дом и выходившем фасадом на улицу.

Человек, отворивший дверь, тотчас запер её за нами и повернулся, чтобы снова усесться в небольшой нише в стене.

Мы прошли по коридору, который выводил в крошечный внутренний дворик, скорее напоминавший световой колодец. Вокруг него располагались помещения дома, а пять или шесть каменных ступеней вели к другой двери. Моя спутница толкнула её.

Мы вошли в переднюю, по обе стороны которой находилось несколько дверей. Девушка отворила первую слева, и мы оказались в комнате.

— Подожди здесь минутку, Карл, — сказала она. — Я сообщу, что ты приехал.

С этими словами она ушла, оставив меня одного. Я опустился в кресло и закурил сигарету, чтобы немного привести мысли в порядок.

Девушка, называвшая меня Карлом и проявившая ко мне, мягко говоря, весьма дружеские чувства, оказалась ещё одним звеном загадки, в которую я угодил с тех самых пор, как вступил на землю сумрачной Женевы. В последний раз я спросил себя, разумно ли продолжать, однако после некоторого размышления, буквально в последнюю минуту, обнаружил, что моё решение благополучно выдержало и это испытание.

Я не могу обвинять судьбу в том, что она торопила меня или завлекла в ловушку. Предостережений я получил более чем достаточно для любого здравомыслящего человека. Я сознательно проигнорировал всё, что должно было меня насторожить, и теперь, по зрелом размышлении, вынужден отнести всю эту историю на счёт своего неисправимого любопытства и отвращения к повседневной рутине. Короче говоря, винить мне было некого, кроме самого себя.

Помню, что одной из последних мыслей, посетивших меня, пока я ожидал в этой комнате, было горячее пожелание, чтобы бабушка оказалась менее нежной, чем фазанье перо. По этому можете судить о неисправимом легкомыслии моей натуры.

Вскоре я поднялся с кресла и принялся осматривать комнату.

Она была продолговатой и несоразмерно высокой по отношению к своей длине. Очевидно, когда-то она составляла часть гораздо более обширного помещения, поскольку одна из стен представляла собой простую перегородку, возведённую некоторое время назад, чтобы разделить большой зал — вероятно, бальный или что-нибудь в этом роде — на несколько отдельных комнат.

По-своему комната была красивой: стены отделаны белыми панелями, единственное длинное и узкое окно завешено тяжёлыми шторами и так наглухо забито, что поверх оконных запоров успела растянуться паутина.

Я вспомнил, как за обедом Беатрис рассказывала мне о швейцарском обычае, которому следуют в Женеве все общественные слои: первого октября закрывать, запирать на засовы и заколачивать окна, не открывая их до первого мая.

Напротив окна, в стене-перегородке, находилась вторая дверь, по всей вероятности ведущая в соседнюю комнату.

Помещение, где я ожидал встречи, было обставлено отчасти как контора, отчасти как гостиная.

отроках, которые погрузились в многовековой сон и чудесным образом пробудились. Второй — евангельские слова Христа об умершей дочери Иаира: «Она не умерла, но спит» (Евангелие от Луки, 8:52; близкие выражения — от Матфея, 9:24 и от Марка, 5:39).

Возле окна стоял массивный дубовый письменный стол, на котором, помимо обычных письменных принадлежностей, лежало несколько картонных папок с документами. В углу находился книжный шкаф, и я подошёл посмотреть, что в содержится.

Большинство книг было посвящено торговле и экономике. Среди них я заметил «Экономические последствия мира» Кейнса[24] и «Царство Антихриста» Мережковского[25] — блестящее разоблачение теории обезличивания, лежащей в основе большевистского строя.

Тут мне пришло в голову, что ещё до личного знакомства с обитателями дома я мог бы кое-что о них узнать, изучив содержимое папок, лежавших на письменном столе. Как видите, уже на столь ранней стадии событий пробудившийся во мне инстинкт сыщика успел притупить более тонкие нравственные сомнения.

Я взял одну папку и быстро просмотрел её содержимое, но ничего особенно интересного не обнаружил. Во второй, по-видимому, тоже хранились лишь документы о разнообразных коммерческих сделках с различными фирмами, большей частью иностранными, касавшихся закупки всевозможных товаров. Среди них я обратил внимание на несколько крупных заказов льняных тканей из Белфаста и шесть отдельных партий суровой хлопчатобумажной ткани из Манчестера. Имелись также большие заказы фирмам «Данлоп» и «Гудрич», главным образом на автомобильные шины, и документы о поставках каучука из Голландской Ост-Индии.

Третья папка, в которую я заглянул, с виду ничем не отличалась от предыдущих двух. Однако, пробегая глазами перечень сделок, я наткнулся на слова: «Svenska Kullagerfabriken». Я быстро просмотрел относящуюся к ним переписку и обнаружил несколько писем по поводу закупки крупной партии шведских шарикоподшипников. Особенно заинтересовало меня письмо с просьбой к шведской фирме направить своего представителя в Женеву для окончательного согласования условий сделки.

Я вспомнил моего шведского знакомого из поезда.

Поскольку письма представляли собой лишь копии, сделанные под копирку, и вместо подписей на них стояли только инициалы, установить имя заказчика мне не удалось. Тогда я задумался, не найдётся ли здесь и следов швейцарских алюминиевых кастрюль.

Я просмотрел остаток папки, затем ещё несколько других и наконец обнаружил письмо, адресованное в Нойхаузен, где, насколько я помнил, находилась главная контора швейцарской фирмы металлических изделий.

Я уже собирался прочесть его, когда услышал какое-то движение за дверью, в передней. Поспешно бросив папки, я пересёк комнату и остановился перед большим зеркалом, вделанным в стену над каминной полкой и обрамлённым изящной лепниной XVIII века.

Там я сделал вид, будто поправляю галстук. И именно в этот момент пережил самое сильное потрясение в своей жизни. Я смотрел в зеркало и поправлял золотую булавку, скреплявшую воротничок, когда вдруг над моим правым плечом появилось второе отражение моего собственного лица.

Я с изумлением уставился на него. Передо мной было точное подобие — вплоть до мельчайших подробностей. Сперва я решил, что это какая-то странная игра отражений, и скорчил рожу, желая проверить, повторит ли второе лицо мою гримасу. Но лицо над правым плечом осталось серьёзным и неподвижным, тогда как моё собственное отражение рядом с ним ответило мне гримасой, выражавшей совершеннейшее глупое изумление.

---

[24] «Экономические последствия мира» (The Economic Consequences of the Peace). Книга британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, опубликованная в 1919 году. Кейнс участвовал в Парижской мирной конференции как представитель британского казначейства, однако выступал против чрезмерных репарационных требований к Германии. В своей книге он предупреждал о тяжёлых экономических и политических последствиях Версальского договора.

[25] «Царство Антихриста» Дмитрия Мережковского. Политико-религиозный сборник начала 1920-х годов, посвящённый большевистской революции и её последствиям. Помимо текстов Мережковского, в сборник вошли произведения Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Философова и Владимира Злобина. Мережковский рассматривал большевизм как проявление духовного кризиса европейской цивилизации, противопоставляя обезличиванию человека христианскую идею личности.

Я резко обернулся. Позади меня стоял человек моего роста в светло-коричневом пальто.

Как только он увидел меня, на его лице отразилось такое же изумление, какое, должно быть, было написано на моём. Несколько секунд мы стояли, лишившись дара речи, настолько невероятным оказалось наше сходство.

И всё же даже в тот первый момент я заметил некоторые различия. Его волосы были очень коротко острижены на немецкий манер, а лицо выглядело чуть более округлым и румяным, чем моё.

Мы, должно быть, довольно долго неподвижно разглядывали друг друга, когда выражение его лица изменилось. Первоначальное изумление сменилось подозрением, а подозрение — слепой яростью. В следующее мгновение, без единого слова предупреждения или объяснения, незнакомец бросился на меня и схватил за горло.

Я совершенно не ожидал нападения и тяжело ударился спиной о каминную полку. Застигнутый врасплох, я оказался в крайне невыгодном положении. Попытался разжать его пальцы, бил по рукам и запястьям, но он не ослаблял хватки, и вскоре я почувствовал, что силы начинают покидать меня. Всё это время мы отчаянно боролись, раскачиваясь из стороны в сторону, и продвигались вдоль каминной полки, пока не достигли её края. Тут он изо всех сил ударил меня ногой по голени, я рухнул на пол, и мы покатились по коврику перед камином.

До этой минуты я испытывал скорее изумление, чем страх или гнев. Но теперь, лёжа на полу, ощущая, как последние остатки воздуха выходят из моих лёгких, и пришёл в неописуемую ярость.

Я вытянул руку, пытаясь нанести противнику размашистый удар по голове, и костяшки пальцев наткнулись на каминный очаг, куда я бросил окурок сигареты незадолго до появления незнакомца. Хотя сознание уже покидало меня, я ещё сохранил достаточно сообразительности, чтобы воспользоваться мыслью, пришедшей мне в голову в тот момент, когда рука коснулась очага.

Я нащупал окурок, к счастью, ещё не погасший — пальцы ощутили жар тлеющего края, — и прижал его к затылку противника. Окурок был толстый, остаток одной из тех больших виргинских сигарет, которые, кажется, называют «Грейз». Должно быть, я нанес ему очень болезненный ожёг, потому что незнакомец с воплем отпустил одну руку и схватился ею за затылок. В ту же секунду я сбил его вторую руку и, задыхаясь, с трудом поднялся на ноги. Перед глазами всё плыло в каком-то красном тумане.

Мгновение спустя он тоже вскочил. Едва противник поднялся, я нанёс ему удар в кончик подбородка, вложив в него всю силу, какую только сумел собрать. Подобного удара я не наносил с того дня, когда отправил в нокаут боксёра среднего веса из Эшингфорда, выступая капитаном школьной команды.

Незнакомец с глухим стуком рухнул на пол и потерял сознание.

Я стоял, опираясь на каминную полку, тяжело дыша и чувствуя лёгкую тошноту. Ярость прошла, и колени у меня немного дрожали.

Первой связной мыслью было: «Интересно, кто-нибудь слышал нашу драку?» Второй: «Почему он на меня напал?»

Я прислушался, но не услышал ничего, кроме собственного дыхания. Коврик перед камином оказался достаточно толстым, чтобы заглушить шум нашего падения.

Теперь я уже настолько пришёл в себя, что мог осмотреть недавнего противника. Сомнений не оставалось: я отправил его в глубокий нокаут. Удар, полученный при падении о край каменного очага, довершил дело.

Я принялся быстро соображать, что предпринять. Господин, лежавший на коврике, очевидно, и был Карлом, который, несомненно, состоял агентом шайки, в дом которой я столь своевольно проник. Маленький еврей, передавая мне бумажник, принял меня за Карла. Ту

же ошибку совершила дама с фазаньим пером. Последствия этой ошибки, очевидно, были настолько серьёзными, что Карл, едва увидев меня, немедленно бросился в драку.

Я посмотрел на лежащего человека.

Это был отвратительный тип — хотя, пожалуй, мне-то и не следовало так выражаться. И я надеялся, что, несмотря на сходство наших лиц, ничего общего между нами нет. Во всяком случае, добровольно оказаться на его месте можно было лишь после весьма серьёзных размышлений.

Между тем бабушка, по всей вероятности, уже готовилась меня принять. Я понимал, что она едва ли обрадуется, обнаружив меня погружённым в задумчивое созерцание бесчувственного тела её дорогого внука. Я вспомнил также, что здесь должны находиться дядя Фриц и дядя Ульрих. И у меня не было никаких оснований полагать, будто, обнаружив ошибку, они окажутся менее решительными и находчивыми, чем Карл.

Кровь во мне ещё кипела, горло болело нестерпимо, но я сомневаюсь, что покинул бы этот дом, даже если бы у меня появилась такая возможность. Уходить было уже поздно.

Из соседней комнаты донеслись шаги и голоса. Я поспешно нагнулся, схватил своего недавнего противника за лодыжки и оттащил в пространство между письменным столом и окном, где его голова и ноги скрылись за ниспадающими шторами. Едва я успел это сделать, как вторая дверь, замеченная мною при осмотре комнаты, открылась и появилась девушка в коричневом.

— Сюда, Карл, — сказала она. — Они тебя ждут.

Я несколько раз провёл платком по лбу, быстро взглянул в зеркало, которое показало, что после недавней схватки я выгляжу не настолько растрёпанным, как опасался, и прошёл в открытую дверь.

Я оказался в комнате, более просторной, чем предыдущая. Мой взгляд машинально отметил, что она отделана в том же стиле: стены покрыты белыми крашеными панелями, в одной из них два высоких окна.

Однако рассматривать обстановку у меня уже не было времени, поскольку всё моё внимание немедленно сосредоточилось на человеке — вернее, людях, — ожидавших меня.

Их было трое. Они сидели за столом, покрытым красным сукном. Двоих я узнал сразу.

Посередине сидел темноглазый человек с шелковистой бородой, удостоивший меня столь проницательным взглядом во время обеда в гриль-ресторане гостиницы «Дю Лак». Слева от него расположился его спутник — массивный пруссак с наголо остриженной головой и мензурными шрамами на лице. Сидевший справа был высоким и худым, лысым как яйцо и носил монокль.

Я немедленно вспомнил своих нейтральных друзей из поезда. Передо мной, несомненно, находился герр Шрекерманн, скупавший алюминиевые кастрюли и шарикоподшипники.

Я подошёл к столу и остановился напротив сидевшего посередине. Тем временем девушка в коричневом проскользнула у них за спинами и исчезла через другую дверь, успев на прощание ободряюще мне улыбнуться.

Первым заговорил человек с шелковистой бородой. Я уже решил, что именно он занимает главное положение среди членов этого своеобразного трибунала. Некоторое время он смотрел на меня тем самым смущающим взглядом, который так странно подействовал на меня в ресторане.

Мне трудно описать его особенность. Казалось, этот человек осторожно нащупывает самые потаённые уголки моего сознания, безболезненно рассекая скрытые ткани мозга бархатным ножом. Голос у него обладал тем же свойством. Он был мелодичным, но в нём скрывалась едва уловимая хрипотца. Каждый слог звучал отчётливо, хотя он ни разу не повысил голоса и не сделал ни малейшего усилия. Это напомнило мне вкус оливок — маслянистый, но с острой ноткой.

Он набросился на меня мягко, по-кошачьи.

— Зачем вам понадобилось убивать шофёра? — спросил он.

Все трое неотрывно смотрели на меня. Человек с мензурными шрамами — стеклянным взглядом командира, привыкшего отдавать приказы. Лысый господин — с тем благоговейным ужасом, какой насилие неизменно внушает людям сидячих занятий. А тот, что сидел посередине, — своим мягким, постепенно проникающим в душу взглядом, который уже начинал вызывать у меня сильнейшую неприязнь.

— Позвольте объяснить… — начал я.

— Ничего подобного, — произнёс человек с шелковистой бородой. — У нас нет времени на объяснения. Мой вопрос должен был лишь дать вам понять, что нам уже известно всё произошедшее.

— Если вы позволите мне… — предпринял я вторую попытку.

Бородатый господин мягким движением поднял руку, прерывая меня.

— Ваш поступок был неосторожным и совершенно ненужным, — продолжал он. — В дальнейшем вам следует проявлять меньше импульсивности. К сожалению, вы слишком легко поддаётесь примитивным инстинктам. Вы правильно предположили, что этот человек был шпионом, но в действительности он не представлял серьёзной опасности. К тому же вы получили строгий приказ явиться сюда девятого числа и не позволять никаким обстоятельствам задерживать вас. Ваше поведение в этом деле совершенно противоречило духу полученных указаний. А в довершение ко всему вы оставили столько улик, что их с избытком хватило бы на десять обвинительных приговоров.

— Произошла ошибка, — запротестовал я. — Если бы вы только дали мне объяснить…

— Вы явились сюда не для объяснений, — произнёс он со спокойной властностью. — Вы здесь для того, чтобы получить распоряжения. Вы уже опоздали на два дня. И что ещё хуже, для вашего благополучного вывоза из Женевы придётся задействовать всю нашу организацию. Лишь благодаря нашей бдительности подробное описание вашей внешности и ордер на ваш арест, отправленные сюда цюрихской полицией, до сих пор не достигли адресата.

Он умолк на долю секунды.

— Одну минуту, — вмешался я. — Не позволите ли узнать, с кем имею честь разговаривать?

— Наши имена сейчас не имеют для вас значения, — ответил человек с бородой. — Пока что я имею честь быть вашей бабушкой. А этот господин, — продолжал он, указав на человека с мензурными шрамами, — ваш дядя Фриц. Справа от меня сидит ваш дядя Ульрих.

— Вы получили определённый документ, — продолжил он, прежде чем я успел вставить хоть слово. — Теперь вам предстоит передать его человеку, имя которого нам пока приказано хранить в тайне. Я предпочёл бы отправить документ с более надёжным курьером. К несчастью, однако, человек, к которому вы направляетесь, весьма подозрительно относится к незнакомцам. Ему сообщили, что следует ожидать Карла фон Эммериха, которому он доверяет, и вряд ли он обрадуется появлению другого посланца. К счастью, некоторые из наших лучших людей сейчас находятся в Женеве, поэтому обмануть местную полицию будет не так уж трудно.

Он снова умолк, но прежде, чем я успел воспользоваться паузой, человек с мензурными шрамами резко вмешался в разговор.

— Совершенно возмутительно! — заявил он голосом, который, несомненно, прекрасно служил ему на плацу. — Нянчимся с ним словно целая толпа гувернанток! Лучшая организация в Европе вынуждена тратить силы на какого-то молодого болвана, которому вздумалось совершить убийство прямо под носом у полиции!

— П-правда, Карл действительно болван, — заикаясь, произнёс лысый господин, — но в Ганновере ему доверяют, и у него есть с-способности. Если п-послать Карла, можете быть уверены, что он д-доберётся до места.

— Лучше передайте молодому идиоту инструкции и избавьтесь от него, — проворчал человек с мензурными шрамами. — Не желаю, чтобы он висел на нашей шее ещё двадцать четыре часа. У меня расставлены отборные люди на всех женевских мостах и на большинстве главных дорог. Но я не могу поддерживать подобные меры бесконечно.

— Разумеется, не можете, — ответил человек с шелковистой бородой.

В его голосе прозвучал целый мир неприятных намёков.

Его военный товарищ, и без того склонный к полнокровию, побагровел, а набухшие вены на висках явственно вздулись.

— Вы требуете невозможного, герр Профессор, — произнёс он. — Вся организация напряжена до предела, а это убийство вдобавок ко всему прочему стало последней каплей. Признаю, вчера вечером наша система дала сбой, но только на одно мгновение.

Он устремил стеклянный взгляд на человека, которого назвал Профессором, — очевидно, того самого Профессора, о котором упоминала девушка с фазаньим пером.

Однако почти сразу его глаза опустились перед спокойным взглядом собеседника.

— Мой достопочтенный Фриц, — мягко возразил Профессор, — организации существуют вовсе не для того, чтобы давать сбои, даже на одно мгновение. Именно за это мгновение нашему другу Адольфу удалось бесследно исчезнуть. Возможно, Карл сумеет что-нибудь рассказать нам об этом чрезвычайно досадном происшествии.

— Я ровным счётом ничего об этом не знаю, — резко ответил я. — Да и сомневаюсь, что вы позволили бы мне рассказать, даже если бы я знал. Я уже несколько раз пытался объяснить вам…

— Дурная привычка, Карл, — вздохнул Профессор. — Если вам неизвестно местонахождение Адольфа, и вы не можете сообщить нам ничего полезного. Впрочем, Адольф — вопрос второстепенный. Он исполнил приказание, передав вам определённый документ, и это будет зачтено ему в заслугу. Теперь потрудитесь последовать его примеру. Для начала ваш дядя Фриц, в качестве начальника штаба, даст вам несколько добрых советов.

Человек с мензурными шрамами прочистил горло таким образом, что это болезненно напомнило мне некоторые неприятные беседы с начальством в военной канцелярии, которых мне, как и большинству молодых людей моего поколения, не удалось полностью избежать.

— Довольно дурацких выходок, молодой человек! Вы и без того натворили достаточно бед. Являетесь с опозданием. Доставляете нам бесконечные хлопоты. Не выполняете приказов. Останавливаетесь не в той гостинице под никому не известным вымышленным именем. Разговариваете с посторонними мужчинами и обедаете с посторонними женщинами. Ходите в полицию. Одним словом, вы… чёрт бы вас побрал!.. сплошная головная боль! А теперь слушайте внимательно.

Он взял со стола лежавший перед ним лист бумаги и пробежал его глазами.

— Вот ваши инструкции. Я зачитаю их, а вы будете выполнять всё буквально.

— Человек, которому надлежит передать документ, вчера вечером покинул Базель и вернулся в Ганновер. Нам не удалось уговорить его остаться. Что ж, придётся вам отправиться следом за ним. Это будет трудно, чрезвычайно трудно. Завтра в девять утра вылетите самолётом в Мюнхен. До тех пор останетесь здесь. Профессор, — он взглянул на человека с шелковистой бородой, — снабдит вас новыми документами и позаботится о надлежащей маскировке.

— А пока, — заключил он, — в порядке простой формальности будьте любезны показать мне документ, который вы получили вчера вечером от Адольфа, и расписаться в том, что он официально передан вам отделом Q.

Когда он закончил, наступила короткая пауза. Все трое выжидательно смотрели на меня.

Наконец настал момент, когда мне разрешили говорить. Я поспешно ухватился за эту возможность, тем более что теперь, как мне казалось, наметился путь к спасению.

— Я не могу показать вам документ, — сказал я.

Человек по имени Фриц гневно уставился на меня.

— Наглый щенок! — воскликнул он. — Полагаю, моего авторитета для вас недостаточно? Только Карлу фон Эммериху, у которого имеются друзья в Ганновере, позволено видеть подобные бумаги!

— Я не могу показать вам документ по той простой причине, что у меня его нет с собой, — хладнокровно ответил я.

— Что?!

Фриц, человек с мензурными шрамами, буквально подпрыгнул на стуле.

Шрекерманн, лысый господин, выглядел совершенно убитым.

Профессор слегка наклонился вперёд.

— Правильно ли я понял, — спросил он, — что вы сочли возможным явиться сюда сегодня днём без документа?

— Совершенно верно.

— Не находите ли вы это несколько странным?

— Здесь всё очень странно, — устало ответил я. — А поскольку вы, по-видимому, не нуждаетесь в моих объяснениях, я предлагаю следующее: если дядя Фриц действительно желает увидеть документ, полученный мною вчера вечером, вам следует позволить мне сходить за ним. Через двадцать минут я вернусь.

«В сопровождении самых здоровенных полицейских, каких только сумею найти», — мысленно добавил я для собственного сведения.

Профессор пристально смотрел на меня, поэтому я вызывающе уставился на Фрица, чей стеклянный взгляд выдержать было гораздо легче.

— Дело становится любопытным, — задумчиво произнёс Профессор. — Знаете, Карл, я почти начинаю сомневаться в вашей добросовестности. Совсем немного — самое ничтожное подозрение.

— Что вы скажете, майор Адлер? — заключил он, повернувшись к человеку с мензурными шрамами.

— Он ведь ещё не с-сказал нам, где с-спрятал д-документ, — заметил Шрекерманн.

— Он как раз собирается это сделать, — ответил Профессор. — Я совершенно уверен, что рано или поздно он расскажет нам всё, что мы пожелаем узнать.

— Тут всё предельно просто, — заверил я его. — Документ сейчас находится в моей гостинице. Я могу принести его меньше чем за четверть часа.

Фриц ударил кулаком по столу.

— Так отправляйтесь за ним немедленно! — проревел он. — И в следующий раз потрудитесь выполнять инструкции! Мне не нравится ваше поведение, сэр. Оно совершенно недопустимо!

Я повернулся к двери — возможно, несколько поспешнее, чем следовало.

— Одну минуту!

Это был шелковистый голос Профессора, но в его небрежных, тихо произнесённых словах чувствовалось неизмеримо больше власти, чем во всех громогласных приказаниях Адлера.

Я обернулся и встретился с ним взглядом.

— Вы оставили документ в гостинице?

— Да.

— Ради большей безопасности?

— Да.

— Интересно, как можно быть настолько глупым?

Он произнёс это тоном человека, который тщательно взвешивает маловероятное предположение.

— За мной уже охотилась полиция, — указал я. — Меня могли в любой момент арестовать и обыскать. Что могло быть естественнее, чем спрятать бумагу у себя в комнате, прежде чем выходить на улицу?

— Интересно, — пробормотал Профессор.

Он продолжал смотреть на меня, и я собрал все душевные силы, чтобы противостоять его проницательности. Не прошло и десяти секунд, как от напряжения, с которым я выдерживал этот вкрадчивый взгляд, на лбу у меня выступил пот.

Я понимал, что он спрашивает себя, действительно ли я, Карл фон Эммерих, всего лишь неуклюжий, но честный исполнитель и можно ли доверить мне сходить за документом. А я изо всех сил старался придать глазам самое простое и бесхитростное выражение, а лицу — вид величайшего болвана во вселенной.

По-видимому, это мне удалось.

Профессор внезапно повернулся к Фрицу.

— Хорошо, — сказал он. — Немедленно отправьте его в гостиницу. Но установите за ним тщательное наблюдение.

На сей раз я не повторил прежней ошибки и не стал выказывать чрезмерную поспешность.

Я стоял неподвижно довольно долго, а затем спросил:

— Итак, господа, могу я быть свободен?

Фриц кивнул, и я неторопливо повернулся к выходу. Ещё мгновение — и я окажусь на свободе, зная, что по совершенно невероятной случайности наткнулся на грозный, хотя и загадочный заговор. Я уже почти достиг двери, когда Профессор поднял тонкий указательный палец.

— Одну минуту, — произнёс он.

Я снова остановился, хотя каждый нерв во мне рвался поскорее захлопнуть дверь между собой и тремя людьми за столом, покрытым красным сукном.

Наступила мёртвая тишина. И тут я различил какой-то звук в соседней комнате.

Послышалось шуршание, словно тяжёлое тело волочилось по полу, извиваясь на манер гусеницы. Затем раздалось хриплое дыхание и слабое царапанье в нижнюю часть двери.

Фриц вскочил на ноги и тремя широкими шагами пересёк комнату. Схватившись за ручку, он рывком распахнул дверь.

А там, на четвереньках, тщетно пытаясь подняться, с запрокинутым лицом, корчился настоящий Карл.

5. Я вешаю самого себя

Я обладаю чутьём на опасность, когда она становится достаточно очевидной и непосредственной, поэтому не стал терять время на размышления о новом повороте событий. И бросился прямо к двери, намереваясь обрушиться на Фрица с тем оружием, которым снабдила меня природа и которое, к сожалению, было единственным в моём распоряжении. Но не успел я осуществить своё намерение, как оказался лицом к лицу с дулом автоматического пистолета.

— Руки вверх! — скомандовал он.

На мгновение я подумал, не броситься ли на него, несмотря на пистолет, но щелчок за спиной предупредил, что на меня направлено ещё одно из этих действенных и весьма неприятных орудий.

Пожав плечами, я вернулся к столу и, обернувшись, заметил, что сзади меня под прицелом держит Шрекерманн.

Профессор не тронулся с места. Он по-прежнему сидел за столом с таким видом, словно размышлял о появлении нового и любопытного обстоятельства в задаче, представляющей исключительно академический интерес.

— Г-господи боже! — воскликнул Шрекерманн. — Они п-похожи как две капли воды!

— Действительно, различить их довольно трудно, — задумчиво произнёс Профессор. — Тем более что наш четвероногий приятель в дверях на время утратил способность как следует пользоваться своими умственными способностями.

Карл, пытавшийся подняться, с трудом встал на ноги и теперь покачивался, словно пьяный, крепко держась за дверной косяк. Некоторое время он бессмысленно обводил взглядом комнату, пока не заметил меня. Тут к нему внезапно вернулись способность соображать и дар речи.

— Осторожно! — прохрипел он. — Этот проклятый негодяй — самозванец!

Он направил в мою сторону дрожащий палец. Его разум ещё не оправился от страшного удара, и первобытные инстинкты по-прежнему властвовали над ним.

— Я тебе глотку перережу, мерзавец! — невнятно пробормотал он.

Профессор улыбнулся.

— Полагаю, это и есть Карл, — заметил он, с благожелательным интересом разглядывая покачивающуюся фигуру. — Кажется, я узнаю его психологический склад. Впрочем, мы скоро разрешим это маленькое затруднение.

Он нажал кнопку электрического звонка, стоявшего на столе. На вызов явились двое холёных смуглых мужчин в ливреях, какие носят лакеи в континентальной Европе.

— Обыщите этих людей, — распорядился Профессор.

Одновременно Фриц направил пистолет мне в голову с видом человека, который при необходимости без колебаний пустит оружие в ход.

Шрекерманн, как я заметил, проделал то же самое с моим двойником.

— Руки вверх, оба! — приказал Фриц.

Делать было нечего, и я беспомощно поднял руки.

Оба лакея быстро ощупали нас с головы до ног.

Нет ничего унизительнее, чем позволять другому человеку толкать и ощупывать себя, хотя должен признать, что обыскивавший меня лакей не проявлял излишней грубости и не старался меня оскорбить. И всё же мне стоило огромных усилий удержаться от желания свалить этого негодяя с ног.

Но в ту минуту я нисколько не сомневался, что при малейшей попытке сопротивления Фриц, не задумавшись, разрядил бы в меня весь магазин своего пистолета.

Обыскивавшие нас люди хладнокровно и методично опустошили наши карманы, выкладывая их содержимое на стол, покрытый красным сукном. Профессор осматривал каждый предмет по мере его появления. Когда он поднял мой британский паспорт, я понял, что игра проиграна. Так оно и случилось.

Профессор оторвал взгляд от паспорта.

— Англичанин, — любезно произнёс он.

К моему удивлению, на этот единственный раз он обратился ко мне на моём родном языке, причём говорил совершенно без акцента.

— И, насколько я вижу, ваши прекрасные золотые часы куплены на Бонд-стрит. Приятная улица.

— Совершенно верно, — ответил я. — Я британский подданный. И вам не мешало бы помнить об этом обстоятельстве. Британское Министерство иностранных дел уж точно не оставит это без внимания.

— Если память мне не изменяет, — заметил Профессор, — британское Министерство иностранных дел находится в Уайтхолле[26], а Уайтхолл — в Лондоне. А мы сейчас на улице Этьен-Дюмон, а улица Этьен-Дюмон находится в Женеве.

— У меня в Женеве тоже есть друзья… — начал я и внезапно осёкся.

Единственным человеком в Женеве, знавшим, где я сейчас нахожусь, была Беатрис Харвел.

Эти люди были отчаянными и беспринципными негодяями. Они располагали средствами, подлинные размеры которых мне пока не удалось установить. По-видимому, они участвовали в какой-то чрезвычайно важной интриге, хотя о её характере я не мог составить себе сколько-нибудь ясного представления. Я попал в опасный лабиринт, и допустить, чтобы Беатрис оказалась в него втянута, было совершенно немыслимо.

— Да? — поощрительно произнёс Профессор. — Вы что-то говорили о друзьях в Женеве.

— Я только хотел заметить, что, если не вернусь в гостиницу, меня непременно начнут разыскивать.

— Мы займёмся этими розысками, когда они начнутся, — ответил Профессор. — Сейчас есть дела гораздо более неотложные, требующие нашего немедленного внимания. Вы признали, что вам известно об одном документе, и между прочим сообщили нам, будто он в настоящее время спрятан в вашей гостинице. Подтверждаете ли вы эти слова теперь, когда мы успели познакомиться с вами поближе?

Я сразу решил, что должен придерживаться первоначальной версии, согласно которой документ был спрятан в гостинице. Стоило мне признаться, что Лавель, возможно, в эту самую минуту пытается расшифровать его, как вся шайка немедленно бросилась бы по его следу. Последствия могли оказаться самыми тяжёлыми не только для него, но и для Беатрис, которая служила моим посланцем. Все эти люди устремились бы на поиски моих предполагаемых сообщников, ничего не подозревавших об опасности и совершенно беззащитных перед ней. Моей целью должно было стать возвращение в гостиницу — по возможности в сопровождении не более чем одного члена шайки. Оказавшись на открытой улице, я получил бы несравненно больше шансов ускользнуть.

Я постарался отвечать Профессору в его собственной манере: спокойно, рассудительно и невозмутимо.

---

[26] Уайтхолл (*Whitehall*) — улица и правительственный квартал в центральной части Лондона, где традиционно располагаются важнейшие государственные учреждения Великобритании. Министерство иностранных дел (*Foreign Office*) находилось здесь и во время действия романа.

— Не думаю, что дал вам хоть какие-то основания сомневаться в моих словах, — добродушно запротестовал я. — Я никогда не пытался вас обмануть. С самого моего появления здесь я старался объяснить, кто я такой, но вы не предоставили мне такой возможности. По-видимому, меня приняли за этого господина.

Я указал на Карла, к которому, как я заметил, понемногу возвращалась способность соображать.

— Никто не сожалеет об этом больше меня. По чистейшей случайности в моё распоряжение попал документ, которому вы все, очевидно, придаёте огромное значение. Я только и прошу, чтобы мне позволили как можно скорее вернуть его. Если кто-нибудь из вас согласится сопровождать меня в гостиницу, я передам ему бумагу, которую вчера вечером так неожиданно сунули мне в руку, и буду считать себя счастливым человеком, если на этом моё участие в деле закончится.

— Итак, вы определённо утверждаете, что документ находится в вашей гостинице? — спросил Профессор.

— Не торопитесь с ответом, — доброжелательно добавил он. — Если это утверждение окажется неверным, наше доверие к вам будет весьма серьёзно подорвано.

— Я уже сказал всё, что мог, — ответил я с видом честного человека, справедливо оскорблённого подозрениями. — Ума не приложу, почему вы мне не верите.

— Инстинкт, — сказал Профессор. — История с гостиницей с самого начала не внушала мне особого доверия. Впрочем, дадим ей шанс. Что скажете, Фриц?

— Возможно, Карл сумеет что-нибудь сообщить по этому поводу, — предположил Фриц. — Не может ли он пролить свет на всю эту проклятую историю?

Карл, стоявший у стола и опиравшийся на него, приложил руку к голове.

— Я обнаружил этого типа в соседней комнате, — хрипло сказал он. — Он там дожидался.

— Как он сюда попал? — потребовал Фриц.

— Ничего об этом не знаю, — ответил Карл.

— Его привела в дом Эльза, — заметил Шрекерманн. — Должно быть, она совершила ту же ошибку, что и Адольф.

— Во всём виноват этот неуклюжий идиот! — яростно заявил Фриц, указывая на несчастного Карла. — Почему ты опоздал на два дня? — сурово потребовал он.

— Я ничего не мог поделать, — пробормотал Карл. — Всё объясню, как только смогу, но у меня так кружится голова, что я не способен думать. Дайте выпить, — слабо закончил он и почти без чувств рухнул в кресло.

Шрекерманн кивнул одному из лакеев. Тот вышел и вскоре вернулся с бренди для моего недавнего противника.

— Что ж, господа, — вмешался я, — по-видимому, вы не слишком заинтересованы в возвращении документа. Я сообщил вам, что он находится в моей гостинице, и предложил сходить за ним. Более того, в доказательство своих добрых намерений я даже пригласил кого-нибудь из вас сопровождать меня.

— Л-лучше п-послать Фрица, — предложил Шрекерманн.

— Да, — сказал Профессор, — мы пошлём Фрица, а мистер Томас Престон останется с нами до его возвращения.

Должно быть, моё лицо заметно вытянулось, потому что Профессор любезно продолжил:

— Сожалею, что вынужден вас разочаровать, но, если ваша история соответствует действительности, самое большее через полчаса вы будете свободны. Боюсь, однако, что нам придётся ненадолго позаимствовать ваши ключи.

Он выбрал их среди предметов, лежавших на столе.

Приняв вид скучающего человека, для которого всё происходящее было лишь адски досадной неприятностью, я указал на связке ключ от своего портфеля для бумаг.

— Надеюсь, я могу рассчитывать, что вы не возьмёте ничего, кроме документа, — покорно произнёс я.

Вместо ответа Фриц свирепо уставился на меня.

— Разумеется, — с достоинством сказал Профессор. — Вы убедитесь, что мы люди честные и обойдёмся с вами так, как подобает. Я искренне сожалею о той кажущейся недостаточной учтивости, которую обстоятельства вынудили нас проявить по отношению к вам.

— Йозеф, — добавил он, обращаясь к одному из лакеев, — верните господину его вещи и проводите его в комнату номер четыре.

Один из слуг приблизился ко мне, держа серебряный поднос, на котором лежали моя мелочь, бумажник и паспорт. Он протянул его с таким видом, словно предлагал мне кофе или ликёры.

Я забрал вещи и разложил по карманам.

— Сюда, сэр, — почтительно произнёс лакей, приглашая меня пройти через комнату.

Я последовал за ним, а его товарищ, когда мы проходили мимо, пристроился позади меня. Так, втроём, мы покинули комнату. Пройдя немного по коридору, мы остановились перед дверью, которую лакей открыл нараспашку. Оба слуги посторонились, пропуская меня внутрь, после чего осторожно закрыли за мной дверь. Мгновение спустя я услышал тихий поворот ключа в замке.

Комната, в которую меня привели, по всей видимости, служила спальней для прислуги. Окон в ней не было, только маленький застеклённый люк высоко в крыше, слишком узкий, чтобы через него мог пролезть человек. Помещение было очень высоким и узким, высота намного превосходила его ширину. Обстановка отличалась крайней скудостью: небольшая деревянная кровать, стул и стол — вот и всё. Вдоль всех четырёх стен, немного ниже потолка, тянулась полка на железных кронштейнах, заставленная разнообразными горшками и банками.

Я сел на кровать и принялся обдумывать своё положение.

Если Фриц возьмёт такси, то минут за двадцать или полчаса сможет добраться до пансиона «Де ла Рен», войти в мою комнату, обнаружить, что документа там нет, и вернуться обратно. После этого, очевидно, мне предстояло получить удовольствие от нового свидания с Профессором. И у меня имелись более чем серьёзные основания подозревать, что он и его сообщники не остановятся ни перед чем, лишь бы вытянуть из меня необходимые им сведения.

В этот момент мой взгляд упал на небольшую книгу формата ин-кварто[27], переплетённую в пергамент, которая совершенно не вязалась с убогой обстановкой чердачной комнаты и лежала на столе из простых сосновых досок. Я взял её и обнаружил, что передо мной изысканная книжная редкость, содержащая поистине прекрасные репродукции некоторых известных картин, изображающих мученическую смерть первых христианских святых. Кроме того, книга представляла собой, по-видимому, полную историю искусства пытки, каким его практиковали не только в средневековой Европе, но и в Китае, Персии и среди дикарей Полинезии. Различные способы причинения мучений описывались с великой учёностью и изумительными подробностями. Очевидно, автор питал к своему предмету настоящую любовь. Иллюстрации были выполнены с таким же усердием и вниманием к деталям.

Некоторые пытки я узнавал по средневековым изображениям: пытку верёвкой, истязание жаровней и *peine forte et dure*[28] — наказание, которое, по словам автора, было так любезно

---

[27] Ин-кварто (*quarto*) — книжный формат, первоначально получавшийся при четырёхкратном делении печатного листа на восемь страниц. В библиографическом описании обозначает сравнительно крупную книгу. Французское слово *bibelot*, также использованное автором, обозначает изящную, коллекционную вещицу.

[28] *Peine forte et dure* (фр. — «сильное и суровое наказание») — исторический вид принуждения, применявшийся прежде всего в английском уголовном праве к обвиняемым, отказывавшимся отвечать на предъявленное обвинение. В определённый

сердцу старинной французской судебной системы. Другие способы выглядели куда более экзотическими, например китайская пытка семи ворот или особая, тщательно разработанная разновидность сажания на кол, практиковавшаяся некоторыми племенами Восточной Монголии. Художник проявил исключительное мастерство в передаче чудовищных страданий несчастных. Их обезображенные муками лица и неестественно вывернутые конечности словно вопили о невыносимой боли истерзанной плоти и обнажённых нервов.

Я всё ещё рассматривал книгу, когда дверь открылась и вошёл Профессор. Он был один и, насколько я мог заметить, без оружия.

Первым моим побуждением было броситься на него, но он встретил меня улыбкой, которая словно одновременно предугадывала моё намерение и укоряла за его неразумность. И подружески уселся на свободный стул.

— Человеку в вашем положении, мой английский друг, — произнёс он, — следует прибегать к насилию лишь в самом крайнем случае. Особенно, — саркастически добавил он, — если в настоящее время он всего-навсего ожидает освобождения. Фриц найдёт в вашей гостинице известный документ, вы дадите мне торжественное обещание не рассказывать ничего, что могло бы заставить вашу бедную дорогую бабушку пожалеть о своём гостеприимстве, после чего мы пожмём друг другу руки и расстанемся.

— Всё это прекрасно, — проворчал я. — Но откуда мне знать, что вы сдержите слово? Я почти уверен, что кое-кто из вас — например, Карл фон Эммерих — предпочёл бы попросту перерезать мне горло и покончить с этим делом.

— Карл, несомненно, предпочёл бы именно такой исход, — согласился Профессор. — Ваш дядя Фриц, вероятно, тоже одобрил бы его, да и Шрекерманн сумел бы оценить совершенно очевидные преимущества подобного решения. Но я, мистер Престон, сентименталист, как и все мои соотечественники. В молодости я проникся привязанностью к вашей замечательной стране, и даже недавние исторические заблуждения не смогли её полностью уничтожить. Мне было бы крайне неприятно без необходимости проявлять жестокость к англичанину, соотечественнику Кельвина[29]. В Кембридже, мистер Престон, я был знаком с вашим замечательным Джей-Джеем[30] — безусловно, величайшим учёным из всех, с кем мне доводилось встречаться. Такие воспоминания нелегко изгладить из памяти. Грустным был для меня тот день, мистер Престон, когда Англия столь неразумно решила отправить свои армии на континент. Я предвидел всю ужасную трагедию: моя страна и ваша, истощённые неисчислимыми лишениями и страданиями, в конце концов вынуждены сводить окончательные счёты с Францией — этой старой, неисправимой милитаристской державой Европы, решившей никогда не прощать ни страну, которая на неё напала, ни страну, пришедшую ей на помощь.

— Таким образом, — заключил он, — вы понимаете, что я не питаю к Англии никакой национальной неприязни. Надеюсь, вы поверите также, что лично против вас я тоже ничего не имею. Напротив, мистер Престон, вы мне даже в некоторой степени понравились.

Я слушал эту странную речь с изумлением, недоумевая, к чему всё это ведёт. Впрочем, мои сомнения продолжались недолго.

Профессор слегка наклонился вперёд.

период он включал постепенное сдавливание тела тяжестями, иногда приводившее к смерти. Несмотря на французское название, это преимущественно английская, а не французская судебная практика. В романе здесь, вероятно, допущена историческая неточность.

[29] Кельвин. Уильям Томсон, лорд Кельвин (1824—1907), британский физик, один из создателей термодинамики, внёсший также значительный вклад в изучение электричества и разработку телеграфной связи. Его именем названа абсолютная температурная шкала.

[30] Ваш замечательный Джей-Джей. Речь идёт о Джозефе Джоне Томсоне (1856—1940), выдающемся британском физике, известном как Дж. Дж. Томсон (J. J. Thomson). В 1897 году он установил существование электрона, а в 1906 году получил Нобелевскую премию по физике. С 1884 года возглавлял Кавендишскую лабораторию Кембриджского университета.

— Итак, мистер Престон, — произнёс он, — не будете ли вы столь любезны сообщить мне, куда положили документ?

— Я уже неоднократно повторил вам, — упрямо ответил я. — Документ находится в моей гостинице.

Профессор вздохнул.

— Очень жаль, — сказал он. — Я надеялся, что небольшая дружеская беседа побудит вас довериться мне.

— В моей гостинице, — твёрдо повторил я.

Профессор поднялся.

— Что ж, надеюсь, вы правы, — произнёс он. — Если Фриц не обнаружит известного документа в пансионе «Де ла Рен», нам придётся прибегнуть к другим мерам. Как я уже говорил, мистер Престон, вы мне понравились, но я никогда не позволяю личным симпатиям и антипатиям вмешиваться в исполнение моих обязанностей государственного служащего. В таком случае я, собственно говоря, буду вынужден причинить вам некоторые физические неудобства. Я обнаружил, что человеческая воля подчиняется приблизительно тем же законам, что и материальные вещества. Отдельные образцы различаются по виду и качеству, но точно так же, как масло обладает определённой температурой горения, у всякой человеческой воли существует предел, за которым она теряет способность противостоять испытаниям чисто физического характера. В настоящую минуту вы довольно славный малый, мистер Престон. Но за полчаса мы можем превратить вас в клубок чисто рефлекторных нервных импульсов, среди которых постепенно начнёт преобладать побуждение признаться во всём. Я вижу, вы уже ознакомились с замечательной книгой формата ин-кварто, которую мы держим в этой комнате для развлечения и просвещения посетителей. Изучите её хорошенько. Ибо, если Фриц вернётся с пустыми руками, уверяю вас, в течение ближайшего часа эта книга приобретёт для вас интерес далеко не только академический.

К этому времени он уже стоял у двери.

Глядя на его улыбающееся, учтивое лицо, я понимал, что он говорит совершенно серьёзно, а вовсе не пытается просто напугать. Эти звери твёрдо вознамерились добыть документ.

Я был убеждён, что Профессор станет вскрывать меня живьём с тем же хладнокровием, с каким производил бы вивисекцию лабораторного кролика.

Он снова словно прочёл мои мысли и добавил:

— Я вижу, мистер Престон, что вы умеете разбираться в людях. Поэтому мне нет нужды уверять вас, что я не трачу ваше время на пустые фантазии. Вы достаточно наблюдательны, чтобы заметить и другое: из этой комнаты невозможно выбраться за четверть часа. Правда, однажды одному человеку всё-таки удалось отсюда уйти. Но способ, который он избрал, был настолько же неприятным, насколько изобретательным.

— Вот как?

— Да, мистер Престон. Он вскрыл себе вены лезвием безопасной бритвы.

С этими словами он так же бесшумно удалился, как и появился, закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке.

Было бы совершенно бессмысленно притворяться, будто он не нагнал на меня ужасного страха, хотя я и твердил себе, что именно такого результата Профессор рассчитывал добиться. Я смертельно боялся не только самих пыток, но и того состояния, до которого они способны довести даже самого упорного человека.

Пока я сидел здесь, более или менее владея собой, было нетрудно принять твёрдое решение, что эти мерзавцы ни за что не вырвут у меня признания, где находится проклятая бумага. Но перед глазами всё ещё стояли чудовищные иллюстрации, и я никак не мог быть уверен, что

тайна не вырвется из меня столь же естественно и неизбежно, как жалобный визг изувеченной собаки.

Я снова раскрыл книгу, и меня едва не стошнило при виде изображения обнажённой человеческой плоти, покрывающейся волдырями под раскалённым железом. Чувствуя слабость и лёгкое головокружение, я поднялся и вновь принялся искать способ бегства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.